

В.В. Аристов

В.В. ХЛЕБНИКОВ В КАЗАНИ

К 200-ЛЕТИЮ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИМПЕРАТОРСКІЙ
КАЗАНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

ОБОЗРѢНІЯ ПРЕПОДАВАНІЯ
въ 1904—1905 учебномъ году
по физико-математическому факультету.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1904.

Васильевъ А. В., засл[illegible]й профессоръ.

Въ осеннемъ полугодіи (7):

Введеніе въ анализъ, среда, четвергъ и пятница, 11—12.

Дифференціальное исчисленіе, среда, 1—2 и четвергъ, 12—1.

Педагогическій семинарій, вторникъ, 6—7.

Основанія геометріи, пятница, 12—1.

Въ весеннемъ полугодіи (3):

Лобачевскій и его значеніе для науки и философіи, для студентовъ всѣхъ семестровъ, пятница, 2—3.

Математическій семинарій, вторникъ, 6—7.

В.В.Аристов

В.В.ХЛЕБНИКОВ В КАЗАНИ

1898 – 1908

(Гимназия, университет, становление Велимира)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

УДК 882.91+929+908
ББК 83.3(2Рос=Рус)-8
А812

Печатается по решению
Комиссии по издательской деятельности

Научный редактор канд. филол. наук **М.М.Сидорова**

Аристов В.В.
А812 В.В.Хлебников в Казани, 1898 – 1908: (Гимназия, университет, становление Велимира). – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. – 68 с.
ISBN 5-7464-1007-1

Велимир (Виктор Владимирович) Хлебников (1885 – 1922) – выдающийся русский поэт.

В книге В.В.Аристова рассматривается казанский период жизни Хлебникова: учеба в Третьей гимназии, на математическом и естественном отделениях физико-математического факультета университета, первые творческие свершения. В разделе "Сказанья «Кремля белого Казани»" говорится о казанских и волжских мотивах в поэзии Хлебникова.

ISBN 5-7464 -1007-1

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АРИСТОВЕ И ЕГО КНИГЕ

Вячеслав Васильевич Аристов (1937 – 1992), краевед, книговед, с 1965 года заведующий отделом рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского государственного университета. Автор книг «Подарок декабриста» (1970), «Все началось с путеводителя...» (в соавторстве с Н.В. Ермолаевой, 1975), «История Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского (1804 – 1850)» (в соавторстве с Н.В.Ермолаевой, 1985), «Казанские находки» (1985), один из составителей сборника «Н.И. Лобачевский. Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма» (1976), составитель книги «Два плавания вокруг Антарктиды» и др.

В 1992 году Аристов представил в Издательство Казанского университета рукопись составленного им сборника избранных стихотворений и поэм В. В. Хлебникова. Начинался сборник очерком Аристова «В поисках самого себя. (В. В. Хлебников в Казани. 1898 – 1908)». Рукопись книги несколько лет пролежала в Издательстве, а затем оказалась в отделе рукописей и редких книг и была включена в состав личного архива Аристова.

В преддверии 200-летней годовщины Казанского государственного университета очерк о казанском периоде жизни и творчества Хлебникова печатается в виде отдельного издания.

В подготовке рукописи очерка к печати принимали участие Г.В. Аристова, В.И.Шишкин, Ж.В.Щелыванова.

В.И. Шишкин

ОТ АВТОРА

В наши дни интерес к творчеству известнейшего советского поэта Велимира Хлебникова (1885 – 1922) огромен. И не только в нашей стране, но и во всём мире. Его книги издаются тиражами, немыслимыми при жизни поэта или в 20-е, 30-е, даже в 60-е, 70-е годы. Тем не менее приобрести их практически почти невозможно – таков читательский интерес.

Наследие Хлебникова изучают сейчас не только филологи – литературоведы и лингвисты, но и математики, биологи, философы, историки: оказывается, идеи и прозрения Велимира актуальны сегодня, они созвучны нашей эпохе, а может, в чем-то до сих пор обгоняют время.

О таком «хлебниковском буме» не мечтали даже самые преданные друзья Велимира, самые горячие поклонники его творчества. Ведь очень часто Хлебникова считали «поэтом для поэтов», поэтом для избранных, блестящим экспериментатором в области стихотворной формы, не понятным и чуждым читающей массе. И только сегодня мы заново открываем для себя этого замечательного русского поэта. Таковы факты. Но чуда здесь нет: просто человечество повзрослело и помудрело, ему стала не только понятна, но и близка душа хлебниковского таланта, хлебниковской мысли, обогнавшей на десятилетия те трудные годы, когда он жил и творил.

Сейчас мы словно стремимся отдать непонятому при жизни великому поэту свой долг. Появляются новые и новые публикации – стихотворений, прозы, писем, документов. Издаются статьи, монографии. Однако белых пятен в жизни и творчестве Велимира предостаточно. И одно из таких «самых-самых» белых пятен – казанский период его жизни.

А ведь казанский период – это почти одиннадцать лет жизни! В Казани В.В. Хлебников окончил Третью гимназию (1898 – 1903 гг.), пять лет учился в университете (1903 – 1908 гг.) – сначала на математическом, потом на естественном отделениях, принимал участие в революционном движении, написал первые научные работы и первые стихи. Именно здесь скромный и застенчивый юноша Виктор Хлебников становился поэтом Велимиром; казанский период оказал огромное влияние на формирование его личности, мировоззрения и мировосприятия, на все его дальнейшее творчество.

Я уже несколько лет занимаюсь поисками материалов о жизни Велимира Хлебникова в Казани – в опубликованных работах, воспоминаниях, периодике тех лет, адресных книгах, архивах. Кое-что удалось найти, кое-что проясняется, но далеко не все.

Многого мы просто не знаем. Даже очень, казалось бы, простых вещей, например, где жил поэт. Известно, что сначала Хлебниковы жили на Третьей горе (ныне ул.Калинина), в доме Максимова, в 1905 – 1906 годах – на Поповой горе (ныне ул. Тельмана), в доме Чиркиной, потом – на Второй горе (ныне ул. Волкова), в доме Ульянова. Но где эти дома?

Пока удалось только установить, что дом Максимова на Третьей горе – это дом № 59 по ул. Калинина (нужно обязательно сберечь его!). Другие два дома, скорее всего, сохранились – эти тихие казанские улочки почти не перестраивались. Только очень трудно установить, которые это дома: имен бывших владельцев не помнит никто из старожилов, не обнаружено достоверных сведений и в казанских архивах.

И таких примеров по казанскому периоду жизни Хлебникова, повторяю, немало. Но о многом со всей определенностью уже можно рассказать сегодня.

ИСТОКИ

В Казань Хлебниковы приехали в 1898 году. Кочевать по России эта довольно большая семья (отец, Владимир Алексеевич, мать, Екатерина Николаевна и пятеро детей: Борис, Екатерина, будущий поэт Виктор, Александр, Вера) уже привыкла. Только после рождения Виктора (28 октября 1885 года) сколько раз пришлось сменить место жительства! Малодербетский улус Калмыкии (точнее – ставка этого улуса, ныне село Малые Дербеты), село Подлужное Волынской губернии в бескрайней украинской степи, село Памаево Симбирской губернии... И вот теперь Казань.

Однако прежде чем начать рассказ о казанском периоде жизни Велимира Хлебникова, просто необходимо сказать хотя бы несколько слов о его родителях, роль которых в формировании характера и мировоззрения поэта трудно переоценить. Прежде всего речь идет о Владимире Алексеевиче Хлебникове (1857 – 1934) – талантливом ученом и великолепном организаторе, блестящем орнитологе, авторе фундаментальных, не потерявших своего значения и в наше время исследований.

Владимир Алексеевич родился в Астрахани (с этим городом и связана большая часть его жизни), здесь он окончил гимназию, потом поступил на естественное отделение Петербургского университета (окончил его в 1882 году). Уже в студенческие годы он участвовал в нескольких экспедициях – по Новгородской и Астраханской губерниям, на Мурманское побережье – для изучения китового промысла, опубликовал первые научные работы, стал активным членом Общества естествоиспытателей в Петербурге и Петровского общества исследователей Астраханского края. Кстати, любимым учителем В.А. Хлебникова, под руководством которого он делал первые самостоятельные шаги в науке, был Модест Николаевич Богданов (1841 – 1888) – выдающийся зоолог, автор популярных книг о животных, окружающих нас (одна из них, «Мирские захребетники», была переиздана более десяти раз – ранее подобных в России не было!), до 1872 года – приват-доцент Казанского университета.

Уже в 1892 году солидный четырехтомный словарь Богданова[1] печатает обстоятельный биографический очерк о В.А. Хлебникове с его портретом. Неутомимого и бескорыстного зоолога без степеней в стране знали и уважали.

Кстати, благодаря очень хорошему портрету в этом словаре мы можем судить о неординарном внешнем облике отца Велимира. Темные,

гладко зачесанные на косой пробор волосы. Глубоко посаженные глаза с пронзительным, прямо-таки одухотворенным и одержимым взглядом – явное свидетельство сильного характера и воли. Типичная для интеллигентов тех лет аккуратная бородка...

После окончания университета Владимир Хлебников работал «смотрителем Баскунчакского промысла в Киргизии, потом попечителем Малодербетского улуса Калмыцкой степи», затем «управляющим Подлуженским удельным имением на Волыни», таким же «управляющим» в Симбирской губернии. И в Казани он занял соответствующую должность – «управляющего Первым Казанским удельным имением» (одновременно – гласный губернского земского собрания, с 1905 года – руководитель курсов по пчеловодству на ферме Казанского губернского земства в Каймарской волости).

Что же это за должности, непонятные для нас: «попечитель улуса», «управляющий удельным имением» (в состав его, как правило, входили большие лесные массивы)? Это чиновник, который должен (кроме прочих обязанностей)... заботиться об охране природы на вверенной ему территории! Чтобы леса не вырубали, луга не заболачивали, зверье и птицу не извели...

Известному советскому поэту Давиду Кугультинову попали в руки две папки с надписью «Калмыки», которые являлись результатом работы отца Велимира в Малодербетском улусе. В результате ознакомления с ними в предисловии к книге «Ладомир», изданной в Элисте в 1984 году, Кугультинов писал: «Папки оказались из архива отца поэта – попечителя улуса, орнитолога, ученого. Владимир Алексеевич Хлебников был человеком высокой культуры, просветителем, сделавшим очень много для калмыцкого народа. Он разрабатывал программу развития сельского хозяйства Калмыкии, нашел способ закрепления песков травами, начал разводить сады в степи, где и деревцо-то на многие километры не увидишь.

В двух папках, которые я затем передал в краеведческий музей республики, сохранились описания залежей подземных пресных вод в степи, различные этнографические материалы, например, описания игр калмыцких детей и многое другое из жизни калмыков, степного народа. Читая эти материалы, я видел мальчика Виктора, играющего с калмыцкими детьми, и рядом отца, записывающего правила и все тонкости этих игр, более того, для краткости зарисовывающего наиболее выразительные моменты из тех, которые сразу так трудно зафиксировать словами на бумаге»[2].

Такие вот были в те времена «попечители» и «управляющие»...

После Октябрьской революции Хлебников-старший был одним из инициаторов создания первого советского заповедника – Астраханского. В январе 1919 года делегация из Астрахани прибыла в Москву. 16 января В.И. Ленин принял делегата Астраханского губисполкома Н.Н. Подъяпольского, который вспоминал, что «Владимир Ильич выразил одобрение всем нашим начинаниям и, в частности, относительно проекта устройства заповедника, сказав, что дело охраны природы имеет значение для всей республики и что он придает ему срочное значение»[3].

Декрет, подготовленный Подъяпольским и В.А. Хлебниковым, был подписан, а в апреле того же 1919 года уже были намечены границы Астраханского заповедника. Его становлению и развитию Владимир Алексеевич отдал все последние годы жизни (он и похоронен на территории заповедника). Именно в советское время вышли в свет главные работы ученого: «Позвоночные и враги промысловых птиц и зверей Астраханского края» (1924), «Лесное хозяйство в Астраханской губернии» (1925), «Птицы Астраханского края» (1930) и др. Высоко ценил деятельность Хлебникова известный советский зоолог, академик М.А. Мензбир.

Владимир Алексеевич стремился увлечь своей работой сыновей Бориса, Виктора, Александра. Вера Хлебникова, младшая сестра поэта, вспоминает: «Витя был красивым, кротким, рассудительным, но с полетами большого упрямства ребенком. Отец его, «естественник», желал видеть на том же пути сыновей, и с тех пор, как я начинаю помнить, они всегда возились с гнездами, яйцами, зверьками, бабочками...»[4]

Авторитет отца в семье был огромным. С нескрываемой гордостью Велимир Хлебников писал о нем в автобиографической анкете: «Отец – поклонник Дарвина и Толстого. Большой знаток царства птиц, изучавший их целую жизнь, имел друзей путешественников...»[5]

А ведь эти строки были написаны в 1914 году, когда поэта-будетлянина Велимира Хлебникова и Владимира Алексеевича уже разъединяли годы взаимного непонимания – вполне естественного для натур сильных, увлеченных и поглощенных своим, самым важным для каждого из них делом. В уже цитировавшихся воспоминаниях Вера Хлебникова пишет по этому поводу: «Отец, который не отказывал ему (Виктору. – *В.А.*) ни в чем, чтобы дать всестороннее образование, был, конечно, против его слишком сильных литературных увлечений, оторвавших его от университетских занятий, и это стало тем роковым, что разделило их в дальнейшей жизни – их, по-своему любивших друг друга, и создало внешнюю враждебность, непонимание, и, в результате, тягостные стол-

кновения. Мечта отца была, чтобы он выдвинулся как математик или естествоиспытатель...»[6]

Но после таких мучительных, «тягостных столкновений» Виктор продолжал искренне гордиться отцом: анкета 1914 года – явное тому подтверждение.

Однако все это – взаимонепонимание, отчужденность отца и сына – возникнут не в Казани, не в гимназические и студенческие годы Виктора, а много позже. Тогда, когда студент Виктор Хлебников станет поэтом Велимиром. В казанский же период отец для Виктора – бесспорный пример для подражания. С увлечением он помогает ему в собирании коллекций, прежде всего орнитологических, да и в научной работе. Как раз во время жизни в Казани Владимир Алексеевич был занят одним из своих весьма интересных исследований – «О когтях на крыльях птиц»[7]. Для обоснования выводов работы требовались сотни, даже тысячи наблюдений, замеров – в какой степени сохранились «когти» – атавизм далекого прошлого, когда предки современных птиц использовали крылья для лазания по деревьям – у разных пород. В этих наблюдениях и замерах участвовал и Виктор, они хорошо ему запомнились. Через много лет, думая о создании «всемирного языка», о том времени, когда «созвездье человечье» перельет «земли наречья ... в единый смертных разговор», он непроизвольно использует название исследования отца как образ абсолютно ненужного, лишнего, отмирающего. В записных книжках Велимира можно прочесть: «Гибель языков, похожих на коготь на крыле», «языки на современном человечестве – это коготь на крыле птицы: ненужный остаток древности, коготь старины...»[8]

От отца Виктор перенял умение наблюдать окружающий мир, унаследовал страстную любовь к птицам, а впоследствии глубоко познал образ их жизни. Он учился у отца трудному, но так необходимому для проникновения в суть жизненных явлений искусству наблюдателя. Вера Хлебникова писала, заметив эту черту характера брата: «Он был великим наблюдателем, от него, на вид равнодушного и безразличного ко всему окружающему, ничто не ускользало: никакой звук бытия, никакой духовный излом. Так он шел по жизни, так он шел по лесу, с таким отрешенным видом, что даже птицы переставали его бояться, доверчиво посвящая его в свои тайны»[9].

Великий наблюдатель... Если вдуматься, то в этих словах Веры нет преувеличения. Наоборот, в них схвачена суть Велимира – человека, не похожего ни на кого из окружающих.

Сильное влияние оказала на Виктора его мать, Екатерина Николаевна Хлебникова (урожденная Вербицкая, 1849 – 1936) – человек неорди-

нарный, особенный – по своему душевному настрою и кругозору. Младшая сестра Виктора Вера в 1922 году в Астрахани писала: «Его необыкновенная память, любовь и знание истории перешло к нему от матери (по образованию Екатерина Николаевна была историком. – *В.А.*); кроме того, она старалась развить в нем любовь к красивому. И в степи традиционной их детской прогулкой было идти смотреть закат»[10].

Екатерина Николаевна хорошо знала не только историю, но и русскую литературу, поэзию, часто и помногу читала детям вслух, особенно горячо любимого ею Гоголя. Благодаря матери с самого раннего детства стали близки Виктору идеалы борьбы с несправедливостью, идеалы грядущей революции. В молодости Е.Н. Вербицкая была участницей народовольческих кружков, посещала нелегальные собрания. На всю жизнь она сохранила память о своем двоюродном брате, известном бесстрашном революционере-народовольце Александре Дмитриевиче Михайлове (соратники называли его «всевидящим оком организации и блюстителем дисциплины»), арестованном в 1880 году, приговоренном к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, и умершем в 1884 году в печально знаменитом Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

Когда Михайлов оказался в крепости, связь с внешним миром осуществлялась через Екатерину Вербицкую. В одном из последних писем от 15 марта 1882 года (Александр Дмитриевич еще не был помилован и ждал смертной казни) он писал: «Добрая и милая сестра Катерина Николаевна! Обнимаю и целую вас горячо. Как жаль, что мы не виделись; с вами желал бы проститься, расцеловать и сердечно благодарить за теплое и заботливое дружеское внимание ваше, моя дорогая, ко мне. Оно тем более драгоценно, что связано с одним из более тяжелых периодов моей жизни. Когда вспомнишь, какую радость приносили мне свидания с вами, как они оживляли меня, хочется броситься вам на шею и осыпать вас самыми горячими поцелуями. Не испытавшему долгого одиночного заключения совершенно непонятна отрада свиданий с родными при той обстановке, при которой они происходят в крепости... Ведь только в продолжение нескольких минут посмотришь друг на друга да перекинешься несколькими незначительными словами, а между тем на целые дни чувствуешь себя проснувшимся от оцепенения, в которое погружает полное одиночество и замкнутые тесные каменные своды.

Свидания с вами, милая, были истинно благодатны для меня. Общественнее меня трудно найти человека – люди для меня все, без них у меня теряются резоны жизненного процесса...

Ну, простите и прощайте, моя милая, моя дорогая сестра Катя, моя добрая утешительница. Навсегда вам благодарный и любящий *А. Михайлов*»[11].

Имя революционера А. Михайлова в семье Хлебниковых всегда было окружено почтением. С детских лет он был для Виктора настоящим героем. Не сказочным, придуманным, а подлинным.

Впоследствии «народовольческий эпизод» из биографии матери нашел отражение в поэме Велимира Хлебникова «Ночь перед Советами», написанной осенью 1921 года:

Ссыльным потом помогала, сделалась красной,
Была раз на собраньи прославленной
«Воли Народной» – опасно как! –
На котором все участники позже
Каждый
Качались, удавлены
Шеями в царские возжи.
Билися насмерть, боролись
Лучшие люди с неволей.
После ушла корнями в семью:
Возилась с детьми, детей обучала...

Весь предыдущий рассказ о старших Хлебниковых основан на документах, коротких фразах из писем и других записей Велимира, предельно лаконичных воспоминаниях Веры, написанных вскоре после смерти брата, в 1923 году. Однако имеется публикация, принадлежащая перу представителя третьего поколения этой славной семьи, внуку Владимира Алексеевича и Екатерины Николаевны Маю Митуричу-Хлебникову (сын В.В. Хлебниковой и П.В. Митурича), напечатанная в сентябре 1987 года, в саратовском журнале «Волга».

Май видел Владимира Алексеевича и Екатерину Николаевну, когда был маленьким, и сохранил в себе именно «детское» их восприятие. И это особенно интересно и ценно, так как хоть в какой-то степени передает атмосферу, царившую в хлебниковской семье в период детства Велимира, ту любовь, которой были окружены здесь дети.

Вот что пишет Май Митурич: «Едва ли не первым запомнившимся детским впечатлением было бесконечно долгое, как казалось мне тогда, ожидание приезда бабушки и дедушки, Владимира Алексеевича и Екатерины Николаевны Хлебниковых – отца и матери поэта. Хлопоты матери моей, приспосабливавшей непросторное наше жилье для увеличения семьи. Тогда сняла она висевший на стене портрет «дяди Вити», спрятала его, чтобы, как понимаю теперь, не напоминать родителям о

недавней утрате. (Из всех детей лишь Вера Владимировна, моя мать, пережила родителей.)

Наше жилье – отцовская мастерская, обставленная самодельной, сколоченной из ящиков из-под чая мебелью (чайный магазин и теперь открыт на Кировской, рядом с домом моего детства) – заполнилось предметами, привезенными из Астрахани: шкапы, кресла, посуда и книги, книги, книги. «Это Витина чашка! Он разобьет ее», – всплескивает руками бабушка. Чашку я все-таки разбил, но, склеенная, она сохранилась и теперь. Или – торжество, когда мне удавалось найти пропавшие дедушкины очки – вот же они в дяди Шуриной шкатулочке! Взявшись за мое воспитание, бабушка с дедушкой вспоминали назидательные случаи с Витей, Шурой, забывая называть их дядями. Разучивая со мной французские стишки, бабушка вспоминала, как не давалось слово «ёф» (яйцо) Вите, когда она с ним разучивала тот же самый стишок. Бабушка читала мне Гоголя. Леденящий, гипнотический ужас «Вия», «Страшной мести» заставлял жмуриться, прятаться с головой под одеяло. «Вот и Витя так же прятался от Вия под одеяло», – припоминала бабушка. Добрейшая бабушка Катя сносила любые шалости и озорство, никак не унимая детскую резвость.

Дедушка был строгий. В хорошие минуты дедушка усаживал меня на колени и листал книжки о птицах, зверях, рыбах. Рисунки в этих толстых с кожаными корешками книгах переложены были калькой. И листать их самому мне не разрешалось. Ерзая на жестких его коленях, я помыслить не мог, чтобы кто-то другой листал эти книги иначе, чем так же вот, сидя у дедушки на коленях. Но в книгах попадались-таки порванные страницы, выдранные кальки, даже рисунки на полях. И всякий раз дедушка помнил виновников – Шуру, Витю, а то и Веру. А еще мы с дедушкой скандировали вслух списки милых его сердцу птиц Астраханского края: «Палка - бабура, палка - чепура»...»

На тыльной стороне ладони дедушки была большая, с половину грецкого ореха шишка. Он рассказывал, как ехал, опираясь рукой на ружье в тарантасе. Ружье выстрелило и пробило ладонь. И дедушка заканчивал рассказ назиданием о незаряженном ружье, которое раз в год стреляет.

Бабушка с дедушкой по-старинному были на «вы», «Вы, Екатерина Николаевна, золотое долото», – парировал дедушка такие же вежливые упреки.

Освобождаясь от хозяйственных хлопот, мама рассказывала мне на ночь коротенькую, но обязательную сказку. И героями сказок чаще всего оказывались дядя Шура, дядя Витя с подвигами и проказами их детства...»[12]

Прошу читателя извинить за длинную цитату. Но, благодаря ей, мы смогли прикоснуться к детству Велимира, почувствовать значение семьи в формировании его личности.

Об этом же пишет отец Мая – художник Петр Васильевич Митурич:

«Велимир Хлебников имел в своем характере черты, которые были присущи и другим членам семьи Хлебниковых. Эти общие черты раскрывают в нем самом, в его поведении и в его творчестве моменты преемственности – уровень понятий, высота культуры, деловое отношение к жизни, точность и аккуратность в мышлении»[13].

Такими были истоки, питавшие маленького Витю. И гимназиста Виктора. Они многое определили в нем.

А из братьев и сестер он был наиболее близок с младшими – Александром («дядей Шурой» у Мая Митурича) и Верой (1891 – 1941), ставшей впоследствии известной советской художницей.

ПЯТЬ ГИМНАЗИЧЕСКИХ ЛЕТ

Поселились Хлебниковы в Казани в самом начале тихой и зеленой Третьей горы – на извилистой улочке, круто спускавшейся к оживленной Георгиевской (ныне ул. Свердлова), с многочисленными лавками и регулярно ходившей конкой. Георгиевская – главная улица Суконной слободы – выходила к самому центру города, на шумную Рыбнорядскую площадь.

Под квартиру Владимир Алексеевич снял дом Максимова – пожалуй, самый добротный на Третьей горе: двухэтажный, кирпичный, в шесть окон по фасаду и с небольшим мезонином, выходящим во двор. Комнаты были светлыми, с высокими потолками и большими окнами. Напротив стоял аккуратный двухэтажный деревянный особнячок с резными наличниками, ныне изрядно ушедший в землю, вдоль мостовой – старые липы, клены и вязы.

Немалое значение в выборе квартиры сыграло то обстоятельство, что отсюда до гимназии было рукой подать. Пятнадцать-двадцать минут неторопливым шагом.

...И вот я иду тем же самым маршрутом, по которому, наверняка, сотни раз (за пять-то лет!) ходил гимназист Виктор Хлебников. Сначала по Третьей горе – вниз, по направлению к Суконке, потом направо, по спускающемуся в овраг и соединяющему Третью, Вторую (ныне ул. Волкова) и Первую гору (ныне ул. Ульяновых) переулку. Когда-то он (начало его сейчас перегорожено одним из зданий Казанского инженерно-строительного института) назывался улицей Поперечной Второй и Третьей

горы, позднее, в конце прошлого века – Лихачевско-Поперечной, в советское время переименован в улицу Айвазовского. Очень зеленый, с непохожими друг на друга деревянными особняками – то на высоком откосе, то в понижении, то вообще в овраге. Шамовскую больницу – дар богатого купца городу – в гимназические годы Хлебникова еще не начали строить.

Из Лихачевского переулка Виктор сворачивал налево, поднимался на Первую гору, проходил мимо домов, в которых совсем недавно, чуть больше десятка лет назад, жили Максим Горький и Владимир Ульянов. Далее – ещё один поворот, на этот раз направо, на Поперечно-Горшечную (ныне ул. Маяковского), несколько шагов по ней, до извилистого и узенького Гимназического переулка (теперь он называется Школьным).

А переулок подходил прямо к зданию Третьей гимназии, переехавшей в 80-е годы XIX века в дом-усадьбу помещика Чемезова (кстати, в её тенистом, запущенном парке любил бродить первый студент Казанского университета, известный русский писатель Сергей Тимофеевич Аксаков; об этом он вспоминал в одном из последних своих рассказов «Ловля бабочек»).

Дом Чемезова был построен ещё в XVIII веке. Однако после того, как в него переехала гимназия, были возведены два боковых пристроя, полностью переделали и внутреннюю планировку здания. Юбилейная историческая записка «Двадцатипятилетие Казанской 3-й гимназии. 1871 – 1896» (в триста с лишним страниц убористого текста!) сохранила нам описание чемезовского дома:

«К концу 1883/4 учебного года все работы как в главном корпусе, так и в пристрое были окончены. Размеры здания оказались настолько значительны, что, как и предполагалось ранее, все классы могли поместиться в верхнем этаже, в нижнем этаже помещаются гимнастический зал, физический кабинет, канцелярия, комната для учителей, библиотека. ...Главный корпус, в котором находились классы и квартира директора, представлял все удобства, необходимые для учебного заведения: классные комнаты были вполне достаточной величины и с окнами, обращенными преимущественно на юг и юго-запад; рекреационный зал в середине здания, во всю ширину его, широкие и светлые коридоры, теплый ход, соединяющий нижний этаж с верхним посредством широкой и удобной лестницы, громадный сад вокруг дома... Вблизи дома проходит железноконная дорога (конка по Георгиевской улице. – *В.А.*), благодаря которой ученики, живущие в самых отдаленных частях города, версты за три или четыре, могли посещать гимназию беспрепятственно»[14].

В наши дни трудно заметить великолепие старого чемезовского дома – старинной усадьбы, а потом гимназии. С трех сторон закрыл его ничем особенным не отличающийся, типовой новый корпус казанской средней школы № 4 – наследницы Третьей гимназии. И только со стороны оврага, в нескольких шагах от откоса, можно полюбоваться старинным зданием в духе русского классицизма: овальный выступ (он соответствует форме главного зала), парадный портальный вход, над ним – балкон, который поддерживают четыре колонны. Раньше вниз по откосу шла деревянная лестница, она вела к Георгиевской, к остановке конки, сейчас здесь вьется тропка, по которой иногда рискует спуститься торопливый прохожий.

Второй парадный вход гимназии выходил к Гимназическому переулку. Через него и вошел сюда впервые в жизни в сентябре 1898 года ученик 4-го класса Виктор Хлебников. Очевидно, в этот день в актовом зале было какое-нибудь торжество, посвященное началу учебного года. Витя оглядывал просторный и немного суровый зал, на стенах висело два портрета – бывшего министра народного просвещения Д.А. Толстого (он вошел в историю как автор «закона о кухаркиных детях», по которому фактически доступ в университет получали только дети дворян) и попечителя Казанского учебного округа П.Д. Шестакова (к этому времени тоже бывшего), одного из самых активных борцов с университетской автономией, у казанских студентов он имел крайне нелестную репутацию. Времена менялись, а портреты все так и висели в гимназическом зале – с 1877 года. И смотрели на них поколения гимназистов с самыми разными чувствами. Впрочем, у четвероклассников пока они вызывали, скорее всего, только любопытство: кто такие эти важные господа?

Учителя в Третьей гимназии подобрались знающие. Вот уже 14 лет директорствовал здесь пунктуальный и дотошный 57-летний Дмитрий Александрович Иноземцев – сибиряк, выпускник Казанского университета (одно время приват-доцент в нем), специалист в греческой и латинской словесности, автор нескольких печатных работ – о Пиндаре, лесбийских певцах и поэтах. Он жил в здании гимназии и был рачительным хозяином, обращавшим внимание на каждую мелочь. Неукоснительно следил он и за занятиями, правда, часто педантизм Иноземцева перерастал в настоящий формализм...

Вторым по значению лицом был инспектор Александр Андреевич Гурячков, следивший за благонадежностью и нравственностью «вверенных его наблюдению» учеников с первого по восьмой класс. Он тоже жил в здании гимназии, в которой служил с самого её открытия уже больше 25 лет (с 1871 года). За это время служба ему изрядно подна-

доела, и на многие проступки и шалости гимназистов он смотрел сквозь пальцы, а по сему особой неприязни у них (как многие инспекторы) не вызывал.

Среди прочих наставников (я называю не только тех, кто преподавал в 1898/99 учебном году, но и во все время пребывания Виктора Хлебникова в гимназии) необходимо назвать учителя истории и географии В.А. Белилина (окончил Казанский университет, автор исторической записки о Третьей гимназии, служил в ней с 1874 года) и учителя чистописания и рисования П.К. Вагина (из вятских крестьян, в Академии художеств получил звание «неклассного художника»). Прекрасно знал свой предмет высокомерный француз А.И. Пор, приехавший в Россию в 1880 году (до Казани он преподавал французский, в том числе и братьям Ульяновым, в Симбирской гимназии). Гимнастике обучали военные – штабс-капитан и поручики.

Однако самыми яркими, запомнившимися на всю жизнь многим были уроки математики в старших классах, которые вел только что окончивший Казанский университет Николай Николаевич Парфентьев (1877 - 1943). Виктор Хлебников ждал их с нетерпением – они помогали его постоянно работавшей мысли.

Николай Николаевич обладал поразительным даром – привлекать к себе способную молодежь, бережно пестовать и выращивать таланты. Практически все выдающиеся казанские математики, начинавшие свою деятельность после Октябрьской революции, – ученики Парфентьева.

Притом тянулась к нему молодежь не только из-за широты знаний, нестандартного мышления и изумительного педагогического мастерства. Вызывали глубокое уважение передовые взгляды ученого и всегдашняя готовность отстаивать их. Впоследствии, уже будучи преподавателем университета, Парфентьев в 1905 году не раз выступал с яркими речами на студенческих собраниях, участвовал в нелегальных съездах учителей, в свое время на его адрес присылалась из-за границы ленинская «Искра».

Выпускник Третьей гимназии, Парфентьев вернулся в неё сразу же после окончания университета, в 1900 году, когда ещё был профессорским стипендиатом (по нашим меркам – аспирантом). Уроки молодого учителя математики сразу же стали для гимназистов приобщением к настоящей Науке. Именно тогда Виктор Хлебников впервые познакомился с основными положениями неевклидовой (воображаемой) геометрии Лобачевского, так поразившей его и глубоко запавшей в душу.

Парфентьев тоже заметил и запомнил молчаливого и стеснительного гимназиста Хлебникова, особенно его несомненную, бросающуюся в

глаза математическую одаренность. Много лет спустя он рассказывал об этом другому своему ученику – профессору Казанского университета Борису Лукичу Лаптеву, который поведал об этом и мне.

К сожалению, собственно о гимназическом периоде жизни Велимира (кроме чисто формальной стороны) мы знаем чрезвычайно мало. Единственный человек, который пишет об этом времени в своих воспоминаниях, – младшая сестра поэта Вера Хлебникова: «Из села Панаево или Помаево (очевидно, опечатка, надо Памаево. – *В.А.*) Витю повезли в Симбирск в гимназию... Мама говорит, что он сильно тосковал по дому и тяготился гимназической обстановкой и товарищами, он, застенчивый и нежный, как девочка.

Затем семья переехала в Казань, опять гимназия, скучные уроки и интересные книги – приходилось уроков не учить дома, а кое-как просматривать учебники в перемены. Но, благодаря своей памяти, он считался хорошим учеником, особенно его выделяла математика, которой он увлекался, и русская словесность. Таким образом, он был в гимназии на хорошем счету, часто ставился в пример. И я помню очень хорошо, что товарищи его в Казани, всегда стоявшие во всех отношениях ниже его, эксплоатировали его всячески, начиная с его знаний и способностей – кончая продажей букинистам книг нашей семейной библиотеки. Может, искали они его дружбы, желая сами казаться лучше около светлого мальчика – каким он был»[15].

К товарищам Виктора Вера, наверное, несколько пристрастна, что, впрочем, вполне естественно: ведь воспоминания написаны сестрой.

Что можно более определенного сказать об однокашниках Хлебникова и тех, кто учился на класс младше его? Среди них было много детей из малоимущих семей; об этом свидетельствуют «Отчёты общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанской 3-й гимназии», печатавшиеся ежегодно. Многим из них регулярно выдавались разные денежные суммы – «на плату за учение», «на содержание», «на одежду», многие, как и Виктор, поступили потом в Казанский университет (Александр Алякринский, Евгений Аноров, Владимир Беляев, Василий Ермаков, Борис Золотницкий, Казимир Млодзяновский, Михаил Мозер и другие). Среди одноклассников Виктора – Борис Денике, который потом стал известным советским востоковедом.

Однако особой близости с соучениками, судя по всему, у Хлебникова не было. Его главными друзьями в гимназические годы были книги. Уже в школьные годы он увлеченно изучал философские труды Дени Дидро, родоначальника немецкой классической философии Иммануила Канта, основоположников позитивизма Герберта Спенсера и Огюста

Конта, работы по организации труда (вернее, его интенсификации) американского инженера Тейлора, исследования русского революционера и ученого В.В. Берви-Флеровского (кстати, выпускника Казанского университета). Не была забыта и художественная литература, естественные науки. Вообще, читал Виктор очень много.

Однако не только гимназия и книги занимали все время в жизни Виктора в эти годы. В семье Хлебниковых очень заботились о воспитании и образовании детей. Первый биограф поэта, Николай Леонидович Степанов, всю жизнь изучавший биографию и творчество Велимира, пишет: «Читать Хлебников выучился с четырехлетнего возраста, в детстве же начал заниматься языками и рисованием. Помимо гимназических учителей, среди преподавателей, занимавшихся с ним дома, следует отметить критика Глинку-Волжского, Н.Л. Брюханова (ошибка: не Н.Л., а Н.П., причем исследователь повторяет её дважды – в биографическом очерке, помещенном в «Избранных стихотворениях», вышедших в 1936 году, и в отдельной книге «Велимир Хлебников. Жизнь и творчество», изданной в 1975 году. – *В.А.*), З.П.Соловьева, художников П.П. Бенькова и Л. Чернова-Плесского. Особенно много занимался Хлебников живописью во время пребывания в Казани; владение техникой живописи и художественную одаренность Хлебникова отмечают и все знавшие его в более поздние годы»[16].

Конечно, все эти «домашние учителя», приходившие к Хлебниковым в Казани, занимались не только с гимназистом Виктором, но и с его младшим братом, учеником реального училища (с 1900 года) Александром и младшей сестрой Верой. Влияние домашних учителей на гимназиста Виктора Хлебникова бесспорно. И потому необходимо сказать о них несколько слов.

Николай Павлович Брюханов (1878 – 1943) – выпускник Симбирской гимназии (1897 год), член РСДРП с 1902 года (в революционном движении участвовал с 1896 года), впоследствии – видный советский партийный и государственный деятель: нарком продовольствия РСФСР и СССР, нарком финансов СССР, кандидат в члены ЦК ВКП(б); репрессирован в годы сталинского лихолетья.

В Казань Брюханов попал в 1901 году, когда после студенческих беспорядков был исключен с историко-филологического факультета Московского университета. В 1901 – 1903 годах он учился на втором и третьем курсах Казанского университета, был членом Казанского комитета РСДРП. Но уже в конце июня 1903 года Брюханов был арестован, 9 июля – исключен из числа студентов, а в феврале следующего года был сослан в Вологодскую губернию.

Итак, домашним учителем Хлебниковых он мог быть в 1901 – 1903 годах, когда Виктор учился в старших классах гимназии. Преподавал Николай Павлович (было ему в это время 23 – 24 года), очевидно, словесность и историю, может быть и иностранные языки, которыми владел блестяще.

Убежденный социал-демократ, Зиновий Петрович Соловьев 1876 – 1928), как и Брюханов, был выпускником Симбирской гимназии, окончил её в 1897 году, тогда же поступил на медицинский факультет Казанского университета, в 1898 году вступил в партию, в 1899 году был арестован и выслан в Вятскую губернию. Завершить свое образование Соловьев смог лишь в 1901 – 1904 годах. После Октябрьской революции Зиновий Петрович – первый заместитель народного комиссара здравоохранения (1918 – 1928 годы). Так что давать уроки естествознания Виктору, Александре и Вере Хлебниковым он мог в 1897 – 1899 или 1901 – 1904 (т.е. одновременно с Брюхановым!) годах.

Случайно ли, что эти два социал-демократа попали в дом Хлебниковых? Я думаю, что нет. Оба они происходили из небогатых семей, оба постоянно зарабатывали себе на жизнь. В своей автобиографии, опубликованной в 41-м томе «Энциклопедического словаря русского библиографического института Гранат», Брюханов, к примеру, писал, что уже с 14 – 15 лет он подрабатывал уроками и переводами с иностранных языков. Так что, когда Владимир Алексеевич и Екатерина Николаевна Хлебниковы пригласили двух нуждающихся студентов давать домашние уроки, они, помимо всего прочего, хотели материально помочь молодым людям, что вполне естественно для этой, очень интеллигентной в самом хорошем смысле слова семьи.

Кроме того, Хлебниковы-старшие могли и лично знать Соловьева и Брюханова – ведь в 1897 году в Симбирске, одновременно с ними, учился в третьем классе гимназии Виктор. Очевидно, Владимир Алексеевич лично (по службе) знал и отца Николая Брюханова – землемера по должности, страстного любителя-садовода и завзятого рыболова, жившего на окраине города, на берегу Свияги, в ладном деревянном доме, окруженном огромным садом, известным всем жителям Симбирска.

Можно не сомневаться, что Брюханов и Соловьев занимались не только уроками. Молодость всегда стремится распространять свои убеждения. Тем более, когда царит обстановка взаимопонимания и душевной теплоты, характерная для дома Хлебниковых. Поэтому уже в старших классах гимназии Виктор не понаслышке, а из первых рук познакомился с социал-демократическими идеями.

Серьезно родители Виктора были озабочены, выражаясь современным языком, не только интеллектуальным развитием детей, но и их эстетическим развитием. Поэтому рисунок и живопись (не рисование, как в наших школах!) Хлебниковым-младшим преподавали молодые, но профессиональные художники П.П. Беньков и Л. Чернов-Плесский.

Павел Беньков (1879 – 1949), впоследствии известный советский художник, много сделавший для развития искусства Татарии и Узбекистана, в 1896 – 1901 годах учился в Казанской художественной школе (потом поступил в Академию художеств). Он крайне нуждался в деньгах – родители, жившие в Перми, ему не помогали, и уроки у Хлебниковых ему были весьма кстати. Тем более, что и ученики попались талантливые. И не только Вера, но и Виктор.

В 1923 году, после смерти Велимира, Вера Хлебникова вспоминала: «У Виктора Владимировича были большие способности к рисованию, увлекаясь вначале и серьезно занимаясь с молодыми художниками (по желанию отца), он впоследствии забросил его, только лишь всегда живо интересуясь искусством и всегда стоя на его страже; так, дома он один лишь продолжал интересоваться и по мере сил оберегать мою живопись с тех пор, как она стала чужда обывательскому глазу (т.е. после того, как Вера Хлебникова отошла от «традиционного реализма». – *В.А.*)»[17].

К сожалению, о другом художнике, Л. Чернове-Плесском, учившем Виктора и Веру, я пока ничего не знаю: никаких сведений о нем обнаружить не удалось. А вот Глинка-Волжский – это псевдоним Александра Сергеевича Глинки (1878 – 1940), критика и историка литературы, правнука довольно известного писателя конца XVIII – начала XIX века Сергея Глинки.

Глинка-Волжский (печатался также под псевдонимами *Волжский*, *А.С. Семенцов* и другими) в разное время сотрудничал во многих провинциальных и столичных периодических изданиях («Научное обозрение», «Русское богатство», «Самарская газета», «Журнал для всех», «Новый путь», «Вопросы жизни» и др.), издал несколько книг и брошюр. Так, ему принадлежат «Два очерка об Успенском и Достоевском» (1902), «Очерки о Чехове» (1903), «Ф.М. Достоевский. Жизнь и проповедь» (1906), «Гаршин как религиозный тип» (1906), «Святая Русь и русское призвание» (1915), «Социализм и христианство» (1919) и толстый – в 400 страниц с лишним – сборник статей «Из мира литературных исканий» (1906). В советское время в издательстве «*Academia*» была напечатана самая серьезная работа А.С. Глинки «Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам» (1935); эту книгу он не только составил, но и прокомментировал все тексты. Прини-

мал он участие и в подготовке полного собрания сочинений Успенского.

Александр Глинка тоже учился в Симбирской гимназии, в 1889 – 1896 годах, был исключен из седьмого класса. Тогда-то он и познакомился с Хлебниковыми-старшими: он был домашним учителем их детей в деревне Памаево, готовил Виктора к поступлению в третий класс гимназии. Так что его влияние на будущего поэта в воспитании литературного вкуса бесспорно.

Поэтому гимназия гимназией, не меньшее значение имело и домашнее образование. Можно предположить, что у Виктора с «домашними учителями» были близкие отношения. Так, о его интересе к тем, кто был связан с казанским художественным миром, свидетельствуют немногочисленные сохранившиеся письма Хлебникова петербургского периода. 13 октября 1909 года, в письме отцу, Виктор упоминает: «Как Верина живопись? Я встретил Чернова-Плесского. Он велел вам передать поклон. Кроме того, встретился с Григорьевым (с художником Борисом Григорьевым Хлебников также познакомился в Казани. – *В.А.*)»[18].

В другом письме – одном из последних, которые Велимир успел послать перед смертью, в апреле 1922 года, матери, упоминается Борис Петрович Денике (1885 – 1941, впоследствии известный советский знаток искусства Востока), с которым Хлебников учился вместе в Третьей гимназии и Казанском университете и который уже тогда всерьез увлекался восточной архитектурой, орнаментом, живописью, гравюрой.

Казанские привязанности оказались прочными и сохранились на всю жизнь...

Но вернемся к гимназическим годам. Уже в юности тихий и в общем-то послушный Виктор иногда был непредсказуем, особенно его раздражал обывательский уют. Однажды он вынес из своей комнаты всю мебель, оставив только кровать и стол, а на окна повесил рогожи. Вполне в духе будущего поэта Велимира.

Однако все это не мешало ему успешно учиться. В мае 1903 года Виктор Хлебников сдал 10 выпускных экзаменов, причем неплохо. Об этом говорят оценки (первая – предварительная, выставлена педагогическим советом, вторая – получена на экзамене): закон божий – 4,4, русский язык с церковнославянским и словесность – 3,4, логика – 5, латинский язык – 3,4, греческий язык – 3,4, математика – 5,5, математическая география – 5, физика – 5, история – 3,4, география – 4, французский язык – 5,5, (по тем предметам, по которым приводится одна оценка, выпускных испытаний не было).

Вообще, учителя гимназии хорошо относились к Хлебникову, об этом свидетельствует аттестат, выданный ему 27 июня 1903 года. Помимо оценок аттестат сообщает, что на «основании наблюдения во все время обучения в Третьей Казанской гимназии, поведение его (Хлебникова. – *В.А.*) вообще было отличное, в посещении уроков был исправен, в приготовлении уроков аккуратен, в исполнении письменных работ исправен, в классе внимателен и занимался с большим интересом математикой...[19] (документ хранится в «Личном деле студента Виктора Хлебникова», в Центральном государственном архиве Татарии). Свидетельство, подписанное директором гимназии А.Д. Иноземцевым, сообщало, что за последние три года учёбы за Виктором «проступков замечено не было» и соответственно ничего в кондуитную книгу не занесено (такая бумага также требовалась для поступления в университет, что-то вроде нынешней характеристики).

После окончания гимназии, летом 1903 года Виктор Хлебников ездил в геологическую экспедицию в Дагестан. Однако рассказать что-либо об этой поездке я ничего не могу – никаких сведений по этому поводу обнаружить не удалось.

ПЕРВЫЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ ГОД

Итак, гимназия окончена. Нельзя сказать, что Виктор расставался с ней с большой грустью. За пять лет он, конечно, привык к уютному светлому двухэтажному дому, стоящему на косогоре оврага, в самом конце тихого и извилистого Гимназического переулка, к огромному саду, окружавшему его. Привык, но и только. Не полюбил. Уж слишком многое в гимназии вызывало у него откровенную скуку. А об университете Виктор мечтал. Особых раздумий по поводу выбора факультета не было. Недаром ведь в аттестате записано «занимался с большим интересом математикой» – Хлебникова всерьез увлекла эта наука уже в гимназии (этой своей привязанности он остался верен всю жизнь). Поэтому выпускник Третьей гимназии без сомнений подаёт заявление о зачислении его на первый курс математического отделения физико-математического факультета, куда он и был принят 13 августа 1903 года.

Началась студенческая жизнь: новые товарищи, первые лекции и практические занятия... «Помню, радостный он поступал в университет. Все с любопытством смотрели на этого голубоглазого мальчика в новеньком студенческом костюмчике», – пишет об этих днях младшая сестра поэта Вера[20].

Первые два месяца Хлебников увлеченно занимается любимой математикой. Ему повезло: среди профессоров, читавших лекции на первом курсе, были ученые с мировым именем. Так, введение в математический анализ преподавал профессор А.В. Васильев (1853 – 1929) – блестящий математик, 20 лет возглавлявший физико-математическое общество при Казанском университете, организатор первого студенческого научного математического кружка, воспитатель целой плеяды выдающихся ученых (Н.Н. Парфентьев – тоже его ученик), страстный исследователь и пропагандист научного наследия Лобачевского. Лекции по аналитической геометрии читал другой известный профессор – Ф.М. Суворов (1845 – 1911), отдавший всю жизнь изучению геометрии римановых пространств, являющейся обобщением пространств Лобачевского, по неорганической химии – ученик знаменитого Бутлерова, тонкий исследователь-аналитик Ф.М. Флавицкий (1848 – 1907), хорошо известный не только в России, но и за рубежом.

Особенно успешными были занятия Виктора Хлебникова по физике у профессора Д.А. Гольдгаммера (1860 – 1922), прославившегося своими трудами в области электромагнитной теории света и метеорологии. Для студентов (и не только для них!) профессор был «героем дня»: только что под его руководством (1899 – 1902) была осуществлена установка электроосвещения в главном здании университета. И теперь во всех аудиториях горели такие непривычные электрические лампочки. Любили студенты послушать и рассказы Гольдгаммера о его экспедиции на Новую Землю.

Кроме названных, Хлебников посещал занятия по сферической тригонометрии у Н.И. Порфирьева, слушал лекции по истории математики Р.О. Блажеевского, а также ходил на уроки английского языка (в гимназии он изучал французский).

Однако наука – наукой. Не только ею была заполнена жизнь: приближался 1905 год, а Казанский университет всегда был одним из центров революционно-освободительной борьбы в России. В 1902 году была воссоздана Казанская социал-демократическая группа, существовали в университете и подпольные революционные кружки. Конечно, 18-летний мечтательный и застенчивый юноша Виктор Хлебников не был сознательным революционером, не посещал он, скорее всего, и заседания подпольных кружков (во всяком случае, сведений об этом не сохранилось). Но обостренное чувство необходимости борьбы с несправедливостью всегда жило в нем. Сыграли тут роль рассказы матери, народоволки в юности, культ погибшего в каземате Алексеевского равелина Петропавловской крепости Александра Михайлова, царив-

ший в хлебниковской семье. Оказали влияние на Виктора и домашние учителя Н.П. Брюханов и З.П. Соловьев, убежденные социал-демократы.

Так что участие первокурсника математического отделения в студенческом движении, в частности в массовой демонстрации в день торжественного университетского акта 5 ноября 1903 года, случайностью назвать нельзя.

Несколько слов о причине демонстрации. 26 октября 1903 года умер студент – социал-демократ Сергей Симонов, которого насильно продержали четыре месяца в психиатрической лечебнице в ужасных условиях. В прокламации, выпущенной Казанским комитетом РСДРП говорилось: «Виновниками возникновения, развития и смертельного исхода болезни – его убийцами – были начальник жандармского управления Мочалов, прокурор судебной палаты Кичин, товарищ прокурора окружного суда Черман, директор окружной лечебницы Левчаткин, старший ординатор её Топорков и ординатор Цареградский»[21].

Первая демонстрация протеста состоялась в день похорон Симонова – 27 октября, вторая, более массовая – в день основания университета, 5 ноября. В ней-то и принял участие Виктор Хлебников.

Толпа студентов собралась около университета, пела «вечную память» очередной жертве произвола властей и долго не расходилась. Из ворот первой полицейской части (располагалась она примерно там, где сейчас находится высотное здание физического корпуса Казанского университета) выскочил отряд конных жандармов и разогнал студентов нагайками. Большинство демонстрантов разбежалось, но некоторые остались, их фамилии записали, а на следующий день арестовали и посадили на месяц в тюрьму. Среди 35 арестованных был и Виктор Хлебников.

Воспоминания об этом эпизоде стали реальной основой для прозаического наброска «Лев», написанного Велимиром в 1916 году: «Я разделся, и, когда волны, вдруг угрожая и пенясь, с шумом и гамом пошли на меня, я вспомнил одну улицу Казани, узкую, белую от солнца, палящего ноги вдали черной коннице, несущейся на нас (речь идет, конечно, о Воскресенской улице. – *В.А.*).

Он остался на месте. И вдруг остановилась на месте и закипевшая телом большого морского чудовища, с злыми глазами толпа коней, почти наступившая мне на ноги. Я остался цел, меня не тронул никто, хотя я не тронулся с места.

Но на другой день я получил удар нагайкой за то же...»

Тихий и скромный мечтатель получил наглядный урок российской действительности. И сама демонстрация, и месяц тюремного заключе-

ния многое значили для формирования его мировоззрения. Мать поэта, Е.Н. Хлебникова, вспоминает: «Осенью он начал посещать университет. С удовольствием ходил на лекции и увлекался математикой. 5 ноября была студенческая демонстрация. Полиция разгоняла учащихся. Отец пошел и уговаривал Витю уйти, но он остался. Когда стали арестовывать, многие убегали почти из-под копыт полиции. Витя не бежал, а остался. Как он объяснял потом: «Надо же было кому-нибудь и отвечать». Его записали, и на другой день полицейский увел в тюрьму. В тюрьме он провел месяц... С тех пор с ним произошла неузнаваемая перемена: вся его жизнерадостность исчезла, он с отвращением ходил на лекции или совсем их не посещал» [22].

Таким уж он был, мягкий, но несгибаемый Велимир Хлебников. Он не мог – просто не мог – покинуть поле боя. А в тот день Воскресенская улица была для него полем боя.

Из Пересыльной тюрьмы (под Кремлем, ул. Односторонняя пересыльной тюрьмы) Виктор послал 3 декабря письмо родителям, в котором всячески старался их успокоить:

«Дорогая мама и дорогой папа!

Я не писал оттого, что думал, что кто-нибудь придет на свидание.

Теперь осталось уже немного – дней пять, – а может и того ещё меньше и время идет быстро. Мы все здоровы, на днях был выпущен один чахоточный – студент Кибардин (Владимир Федорович. – *В.А.*), ему устроили шумные проводы, я недавно занялся рисованием на стене и срисовал из «Жизни» (иллюстрированный журнал. – *В.А.*) портрет и ещё две головы, но так как это оказалось нарушением тюремных правил, я их стер. У меня есть одна новость, которую я после расскажу. Я занимался на днях физикой и прошел больше 100 страниц, сегодня читаю Минто. Один из нас, математик I курса, написал Васильеву письмо, спрашивал, как быть с репетициями. Васильев отвечал, что последние репетиции будут 18 декабря, так что к ним всегда можно будет подготовиться. Из анализа (математического. – *В.А.*) я прошел больше половины. Здесь есть несколько с хорошим слухом и голосом и перед вечерним распределением по камерам мы их слушаем, а иногда поем хором. Сгорела ли художественная школа? До нас дошли слухи, что она горела, но сильно или немного – не знаем (здание художественной школы, теперь – учебный корпус Казанского авиационного института на ул. Карла Маркса, в 1903 году не пострадало. – *В.А.*). Пожар этот можно было предвидеть, потому что там много легко воспламеняющегося материала и ещё больше керосиновых ламп в картонных абажюрах.

Целую всех, Катю, Шуру, Веру, – скоро увидимся.

Витя» [23].

В особых комментариях письмо не нуждается, оно четко характеризует «тюремное настроение» Хлебникова. На последние занятия

к профессору А.В. Васильеву Виктор, как и другие одномесячные заключенные, действительно успел.

В декабре Хлебников успешно сдает все экзамены за первый семестр, но больше учиться в университете не хочет и 24 февраля 1904 года по собственному прошению он был уволен из числа студентов. Виктором овладевает страстное желание к «перемене мест» (оно будет характерно для всей жизни Хлебникова: сколько раз без всякой видимой причины он вдруг уезжал из одного города в другой, а то и просто уходил пешком). Младшая сестра Вера вспоминает: «В университет он ходил всё менее охотно и, наконец, стал порываться уехать в Москву.

Дома противились, боясь, что он слишком не подготовлен для самостоятельной жизни, и, может быть, были правы. Отказали наотрез. Витя посвятил меня в свое горе и я, ничего не понимая, кроме горя большого друга – торжественно принесла ему своё сокровище: золотую цепочку: он продал её где-то и уехал. Я жалею, что может невпопад была великодушна. Это был его первый вылет из дома» [24].

Сколько ещё их будет впереди...

О недолгом пребывании Виктора Хлебникова в Москве рассказывают два его сохранившихся письма родителям.

Приведем текст одного из них полностью (ведь так мало подлинных хлебниковских записей этих лет дошло до нас!):

«Дорогие мама и папа!

Целую всех, наверное, вы ждете от меня письма с нетерпением, пишу на второй день. По железной дороге ехал сравнительно благополучно, но за двое суток спал не более трех или двух часов, за всё время съел несколько пирожков и выпил только два стакана чая, так что, когда приехал в Москву, очень устал и у меня сильно болели ноги, потому что я большую часть времени спал на ногах. В гостинице я не останавливался, а прямо оставил вещи у швейцара и отыскал себе комнатку за 6 р. и, привезши вещи, в тот же день объехал почти всю Москву, осмотрел Третьяковскую галерею, Исторический музей и был в Тургеневской читальне, так как я почти двое суток был на ногах, а в Москву приехал в 6 час. утра и до 8 час. вечера ходил по́ улицам, то я очень устал и несколько раз должен был останавливаться, чтобы дать отдохнуть ногам. Но сегодня всё прошло, я совсем отдохнул. А вчера у меня был такой (может быть истощенный) вид, что на меня оглядывались. Сегодня я опять осматривал и видел Румянцевский музей (ныне Государственная библиотека им. В.И. Ленина. – *В.А.*) и Исторический музей, сегодня же я сделал опыт примерного существования в Москве: оказывается, что вегетарианцу на десять копеек в день существовать безусловно можно.

Вот подробное донесение о моих действиях. В Третьяковской галерее мне больше всего понравились картины Верещагина, некоторые же вещи меня

разочаровали. В Румянцевском музее очень хороша статуя Кановы «Победа» и бюсты Пушкина, Гоголя. Подробнее буду писать после, целую всех: папу, маму, Катю, Шуру, Веру.

Витя»[25].

«Первый вылет» не был долгим. Виктор возвращается домой, в Казань. 28 августа 1904 года он вновь был зачислен на физико-математический факультет Казанского университета, но на этот раз на естественное отделение.

Дало ли что-нибудь Хлебникову его кратковременное – один семестр – пребывание на математическом отделении? На мой взгляд – да.

Во-первых, он получил начальную, но добротную подготовку по ряду математических дисциплин. А математикой, поисками числовых законов времени Велимир занимался до последнего дня жизни (конечно, большая часть обширных математических познаний поэта – результат самообразования, но и этот первый семестр первого курса не был бесполезным).

Во-вторых, Хлебников «из первых рук» (А.В. Васильев, Ф.М. Суворов, ранее, в гимназии – Н.Н. Парфентьев) познакомился с научным наследием творца воображаемой геометрии Н.И. Лобачевского. Никто в России не знал лучше этих казанских ученых жизнь и деятельность великого геометра, его работы.

Личность Лобачевского, свершившего революционный переворот в геометрии, и сама неевклидова геометрия, законам которой покорны пространства беспредельного космоса, глубоко поразили молодого Хлебникова, стали близкими ему. Это – один из ключевых образов его поэтического творчества:

Перед закатом в Кисловодске
Я помню лик, суровый и угрюмый,
Запрятан в воротник:
То Лобачевский – ты,
Суровый Числоводск.
Для нас священно это имя.
«Мир с непоперечными кривыми»
Во дни «давно» и весел
Сел в первые ряды кресел
Думы моей,
Чей занавес уже поднят.
И я желал сегодня,
А может и вчера,
В знаменах Невского,
Под кровлею орлиного пера,

Увидеть имя Лобачевского.
Он будет с свободою на «ты»!
И вот к колодцу доброты,
О, внучка Лобачевского,
Вы с ведрами идете,
Меня встречая...

Читаешь эти строки стихотворения 1921 года, посвященные внучке сестры великого математика – Калерии Арсеньевне Виноградовой, с которой поэт познакомился в Пятигорске, и перед глазами сразу же возникает портрет Лобачевского работы известного казанского художника Льва Крюкова, висевший в геометрическом кабинете Казанского университета. Не один раз, видимо, всматривался в него Хлебников-студент, думая о судьбе ученого, непонятого при жизни современниками, даже друзьями. Лобачевский был для Велимира не только великим ученым, он – это революция, это освобожденный народ.

Присутствует образ Лобачевского и в поэме Хлебникова «Ладомир», славящей новую историческую реальность – царство нового, свободного человека:

И пусть пространство Лобачевского
Летит с знамен ночного Невского.
Это шествуют творяне,
Заменивши Д на Т,
Ладомира ссборяне
С Трудомиром на шесте.
Это Разина мятеж,
Долетев до неба Невского,
Увлекает и чертеж
И пространство Лобачевского.
Пусть Лобачевского кривые
Украсят города
Дугою над рабочей выей
Всемирного труда .

Поэма «Ладомир» – не исключение. Хлебников называет Лобачевского своим «кумиром» («Песнь мне», 1911 г.), подчеркивает устремленность идей ученого в будущее:

Когда пространство Лобачевского
Сверкнуло на знамени,
Когда стали видеть
В живом лице
Прозрачные многоугольники...

(«Влом вселенной, 1920 – 1921 гг.»)

Лобачевский и Разин – самые близкие Хлебникову образы российской истории, недаром он провозглашает: «Я Разин со знаменем Лобачевского логов».

И такое ощущение – понимание своей близости к Лобачевскому – пришло к Велимиру уже в его первый студенческий год.

Наибольшее влияние на Виктора Хлебникова в этот период оказал профессор чистой математики Александр Васильевич Васильев. Велимир и впоследствии следил за исследованиями этого ученого. Именно из них он узнал о теореме немецкого математика Генриха Минковского, который дал геометрическую интерпретацию кинематики соответственно теории относительности. Специально занимавшийся научной стороной творчества Хлебникова В.В. Бабков в 1987 году отмечал: «В 1908 г. Г. Минковский прочел речь «Пространство и время». (Учитель Хлебникова в Казанском университете, известный просветитель в области математики, профессор А.В. Васильев, чье влияние на поэта исключительно велико и пока не оценено, перевел эту речь и напечатал её в 1909 году в «Известиях Казанского физико-математического общества» и в 1914г. в сборнике «Новые идеи в математике»)[26].

Впоследствии Велимир написал об этом:

Тому, кто
Уравнение Минковского
На шлеме сером начертал
И песне зовом Маяковского
На небе черном проблистал...

Нельзя не упомянуть и такой факт, с абсолютной очевидностью доказывающий, что Велимир не просто интересовался, а тщательно изучал труды казанского профессора математики. Среди сохранившихся после его смерти немногочисленных книг – «Путь к науке» известного геохимика и минералога А.Е. Ферсмана и монографии А.В. Васильева «Введение в анализ» (Казань, 1913) и «Целое число» (Пг.,1919) «с многочисленными пометками и вычислениями самого Хлебникова»[27].

А знакомство с А.В. Васильевым – тоже результат первого семестра математического отделения. И результат явно плюсовой. Не следует забывать и о значении для юного Хлебникова участия в студенческом движении.

Нет, не пропал бесследно для будущего великого поэта его первый студенческий год.

«ОН БЫЛ ВЕЛИКИМ НАБЛЮДАТЕЛЕМ...»

Осень 1904 года. Виктор Хлебников – снова студент первого курса Казанского университета, но теперь естественного отделения. Можно не сомневаться, что на этот раз в выборе будущей профессии решающим оказалось влияние отца. К учебе именно на этом отделении Виктор Хлебников был прекрасно подготовлен, и никаких особых затруднений она у него не вызывала. Он продолжает слушать лекции уже знакомых профессоров – Ф.М. Флавицкого (по неорганической химии) и Д.А. Гольдгаммера (по физике), с интересом посещает занятия специальные (общий курс зоологии позвоночных – у А.А. Остроумова, анатомии человека – у М.Д. Рузского, кристаллографии – у Б.К. Поленова, систематики растений – у Н.В. Сорокина). Большинство преподавателей на естественном отделении были учеными отнюдь не кабинетного типа, каждое лето они уезжали в далекие или близкие экспедиции и исколесили всю Россию. К таким исследователям, не представлявшим себе настоящего естествоиспытателя без регулярных «полевых работ», принадлежали зоологи А.А. Остроумов и М.Д. Рузский (он успешно занимался и орнитологией), минералог Б.К. Поленов и ряд других преподавателей, чьи лекции Виктор Хлебников слушал не в первом семестре, а позже (ботаник А.Я. Гордягин, геолог М.Э. Ноинский, зоолог И.П. Забусов, метеоролог В.А. Ульянин). Все они были активными членами Общества естествоиспытателей при Казанском университете, а потому хорошо знали Хлебникова-старшего (по приезде в Казань тот вскоре был избран действительным членом этого общества, выступал с докладами на заседаниях, печатался в его изданиях). Внимательно отнеслись казанские ученые и к Хлебникову-младшему. Трудно было не заметить его способностей и врожденного таланта вдумчивого наблюдателя, без которого не может сформироваться настоящий естествоиспытатель.

5 апреля 1905 года, на очередном – 398-м заседании Совета Общества естествоиспытателей профессор кафедры зоологии Алексей Остроумов просил «об ассигновании студенту В. Хлебникову 100 руб. для орнитологических сборов в Павдинской даче (северная часть среднего Урала)». В своем заявлении, характеризуя первокурсника, успевшего к этому времени сдать экзамены только за один семестр, профессор писал: «Он обладает навыком к наблюдениям над жизнью птиц и к корректированию и мог бы составить интересную коллекцию гнезд, яиц и птичьих шкурок. Средний Урал в орнитологическом отношении был исследован Сабанеевым, но его исследования, захватывая значительное

пространство, естественно должны были страдать неполнотой; во многих случаях названный ученый более ставил вопросы и намечал задачи будущих исследований, чем отвечал на них...»[28]

Леонид Павлович Сабанеев (1844 – 1898) – известный русский зоолог, редактор популярных журналов «Природа» и «Природа и охота», автор трехтомного труда «Рыбы России. Жизнь и ловля (уженье) наших пресноводных рыб», выдержавшего несколько изданий и не потерявшего значения в наши дни (до сих пор эта книга – лучший подарок настоящему рыболову). И вот первокурснику доверяют «проверить» исследования маститого ученого. Высоко же ценили в Казанском университете научные возможности способного студента... Этот факт говорит и об уровне преподавания, и о взаимоотношениях профессуры и студенчества.

На следующем – 399-м – заседании, состоявшемся 12 апреля, Общество одобрило предложенный Остроумовым и Хлебниковым проект орнитологической экспедиции на Урал и тайным голосованием выделило необходимую денежную сумму.

В экспедицию Виктор взял брата Александра, Шуру, как он его обычно называл, ученика Казанского реального училища. (А.В.Хлебников был на два года младше Виктора. 18 сентября 1907 года он был зачислен вольнослушателем Казанского университета на математическое отделение, вскоре стал студентом, но уже 25 мая 1908 года перевелся на естественное отделение Новороссийского, а в сентябре 1910 года – Московского университета, который и окончил в 1914 году. В 1914 – 1917 годах служил в армии, участвовал в гражданской войне, в 1920 году пропал без вести на Польском фронте. Александр всерьез занимался орнитологией и ихтиологией, некоторые его изобретения предвосхищали идеи современной бионики.)

В мае 1905 года Виктор был уже в Перми. Через несколько дней сюда приехал и Шура; в письме домой он сообщал: «Приехавши в Пермь, я прождал с полчаса и увидел Витю; как оказалось потом, он ежедневно по нескольку раз в день ходил справляться на пристань, что ему, судя по рожице, порядком надоело. В Перми мы пробыли несколько часов, но закупок не удалось сделать, так как по случаю воскресенья магазины были все заперты.

От Перми до Кушвы мы проехали по железной дороге. От Кушвы до П[авдинского] З[авода] на лошадях. Дорогой Витя страшно économничал и даже хотел отучиться и меня отучить от скверной привычки есть ежедневно, но, к сожалению, безуспешно...»[29]

Далее Александр Хлебников переходит с шутливого тона на деловой и рассказывает о некоторых подробностях своего житья-бытья: «На

П.З. мы устроились недурно: наняли комнату за 2 р. 50 к. и, к нашему счастью, хозяева оказались людьми хорошими и заботливыми... (Чучел у нас 22 шт., денег 22 р. 46 к.) Адрес: Пермская губерния, Верхотурский уезд, Павдинский З. Студенту В.В.Хлебникову (до востребования)»[30].

Павдинский завод – это небольшой поселок и рудник на восточном склоне северной части среднего Урала, в 60 верстах от старинного города Верхотурье. Поселок и рудник окружены со всех сторон довольно разнообразной, почти девственной тайгой. Рядом с мачтовым сосновым бором густые, трудно проходимые ельники и пихтарники, кедровники, по долинам речушек и на пожарищах – березняки. Много мшистых болот, но есть и заметные горы, которые на Урале зовут «камнями»: Мелдалинский, Лялинский, Сухогорский, Конжаковский (самый высокий – 1572 метра).

Больше пяти месяцев (первые даты известных нам наблюдений – 11 и 13 мая, последняя – 15 октября) провели братья в тайге, исходили ее вдоль и поперек, обследовали каждую каменистую сопку, продирались сквозь буреломы, стали искусными «болотопроходцами». Ночевали в палатке или промысловой охотничьей избушке (они использовались местными жителями зимой), еду готовили на костре. Изредка заходили в село Мелихино, иногда встречали охотников («промышленников», как их называли на Урале).

Сохранилось еще одно письмо Александра родным с Павдинского завода. Оно ярко рисует таежную жизнь Хлебниковых. Не могу удержаться и не привести длинную цитату из него (ведь это подлинный документ):

«В общем, окрестности П.З. нас немножко разочаровали. Во-первых, огромный П[авдинский] пруд был спущен и высох за 30 лет до нашего приезда. Во-вторых, рыбных озер, о которых я мечтал, здесь тоже нет – ближайшее озеро так заросло мхом и засыпалось тиной, что в нем нет места глубже 15 аршин и рыбы – кроме мелких окуней. Единственное утешение – это порожистые, маленькие речки Ляля и Павда, протекающие через П.З., да кроме того река Лагва, отстоящая от нас на 30 в[ерст]. В последней, говорят, много хариусов и тайменей, но я на ней не был. П.З. на расстоянии сотен верст окружен тайгой, но тайга здесь не состоит из больших деревьев, как я предполагал; деревья здесь небольшие; не они производят впечатление, но бесконечность тайги: сколько не иди – все новые и новые места. Густые, поросшие мхом ели сменяются то сосной, то кедрами, то лиственницами, то смешанным лесом, и так бесконечно. И все эти деревья растут в страшном беспорядке, во многих местах грудами сваленные каким-нибудь шальным ветром...»[31]

И еще одна цитата из того же письма от 20 июня 1905 года, на этот раз она повествует о юмористических сторонах жизни:

«На Павдинском мы живем уже второй месяц. Так как мы редко появляемся на улицах, то проницательные павдинцы долго принимали нас за японских шпионов; при встречах мальчишки по нескольку раз забегали вперед, посмотреть на японца, и кричали, смотря по воинственности: японец, япоша, японская харя. Другие видели в нас студентов, желающих устроить смуту. Один пьяный лавочник долго и в сильных выражениях объяснял мне опасность наших тайных занятий и даже для наглядности показал, как он раздавит нас в кулаке, если выследит, но все это было не страшно, так как в промежутках своей грозной речи он объяснял мне устройство рябчикового пищика»[32].

Погода не баловала начинающих орнитологов, лето и осень были дождливыми, мох напоминал пропитанную дождем губку, особенно высокой была влажность в горах. «По замечанию местных жителей, когда в долинах стоит пасмурная погода, на горах уже идет дождь»[33]. Но зато сколько почти непуганого зверья – зайцы, лисы, волки, лоси, медведи. («Нам пришлось встретить одну сопку, покрытую ягодниками, так потоптанную медведями, что она производила впечатление любимого публикой загородного леса»[34].) И великое множество самых разных птиц, регулярные наблюдения за ними велись утром, вечером, днем, при жарком солнце и моросящем или проливном дожде. Каждый вечер Виктор делал обстоятельные записи в дневнике (отдельные листы из него сейчас хранятся в Центральном архиве литературы и искусства – ЦГАЛИ, в Москве, они никогда не публиковались).

Лучшей возможности наблюдать жизнь птиц – причем в первозданной природе – не представлялось Виктору Хлебникову никогда. Каких только птиц не увидели братья! И не просто увидели, а часами подглядывали за ними из незаметного укрытия, следили за гнездованием, поведением, добычей пищи.

В статье об экспедиции на Павдинский Завод приводятся наблюдения за тетеревом, глухарем, рябчиком, белой куропаткой, перепелкой, малым зуйком, куличком-воробьем, вальдшнепом, кукушками, дятлами, овсянками, чижами, щеглами, щурами, свиристелями, коньками, трясогузками, синицами, поползнями, сорокопутами, славками, пеночками, завирушками, мухоловками, соловьями, кедровками, сойками, кукшами, воронами, ястребом-перепелятником, дербником и др. Один этот сухой перечень дает представление об объеме проделанного!

Записи наблюдений говорят об остром, заинтересованном взгляде натуралистов, умеющих не пропустить даже второстепенную деталь.

Кое в чем удалось им уточнить и самого Сабанеева! Так, 5 июня Виктор и Александр поднялись на Павдинский камень, на следующий день Виктору удалось увидеть горную белую куропатку. Вот как он описывает это в дневнике: «В тот день я шел по плечу камня, как вдруг какой-то звук привлек мое внимание. Сухой и трескучий, он походил на **крраа**. Его особенность была та, что очень трудно было судить, откуда он шел. (Это, должно быть, объясняется тем, что птица во время крика поворачивает голову в разные стороны.) Он был принесен ветром и, казалось, вместе с ним умер. Прошло немного времени, снова громкое, настойчивое **кр-ря...краy** совсем недалеко. Первый слог выкрикивается тихо, второй – громко и далеко разносится кругом. Крик похож на скрипение старого дерева или на весеннюю дробь дятла по сухому сучку. Снимаю ружье и вижу: в саженях двух от меня на широком камне стоит, подергивая хвостом, быстро прижимая шею, куропатка. В её поведении есть что-то беспокойное и вызывающее, но она не собирается ни улететь, ни спрятаться...»[35]

В статью не попали интересные бытовые подробности путешествия на Павдинский камень. Первое продолжалось трое суток, Виктор и Александр блуждали по болотам от сопки к сопке и смогли добраться только до меньшей вершины. Второе длилось семь дней, пришлось поголодать, «довольствоваться одним кофе». Виктор уже собирался попробовать, не съедобен ли мох... От этого испытания его спасла стая кедровок, нескольких из них удалось подстрелить.

Но вернемся к белой куропатке. В статье описана и вторая встреча с ней: «Она лежала на подушке из оленьего мха на боку, вытянув ноги, как это делают собаки, греясь на солнце; на нас она смотрела спокойно и как бы вопросительно, должно быть принимая нас за особый вид северных оленей или других кротких зверей...»[36]

Конечно, все эти наблюдения интересны сами по себе, но в то же время они – как бы заготовки для поэта Велимира Хлебникова, населившего свои поэмы, стихи, прозу множеством птичьих образов. Вспомните, с кем из птиц мы чаще всего встречаемся в русской поэзии? Сокол, орел, соловей, лебедь, чайка, ласточка, журавль, грач, скворец, ворона (в баснях)... И, пожалуй, все. А у Велимира? Я перелистываю (бегло!) пятитомник Хлебникова, изданный в 30-е годы, но до сих пор являющийся самым полным собранием сочинений поэта. Конечно, все традиционные для русского стиха птицы здесь представлены, и не единожды (чаще всего – грачи, лебедь, сокол, ласточка). Но сколько здесь и других, не привлекавших внимание стихотворцев: воробей, галка, кукушка, иволга («слышишь у иволги разум напева»), клест, снегирь, свиристели, куры, дрозд, баклан,

утки, гуси, кречет, ястреб, стрепет («И стрепетов пожары стай»), сова («Давно у всех душа сова»), аист («Воздушный аист грудью снежной»), щегол, глухарь, сойка, жаворонок, тетерев («Твои губы – брови тетерева»), синица, филин, стрижи («Пряди усталыми стрижами» или «Как железные стрижи Пули, летя невпопад»), чечетки, кулики, орланы, трясогузки, цапли... Есть и такие птицы, которых, пожалуй, теперь знают только специалисты: сизоворонки, неясыти, сплюшки, коростели, зарянки, горихвостки, вьюрки, дубровники... Поселил в своих стихотворениях Велимир и иноземцев: павлина («синий красивейшина»), цесарок, буревестника, попугая, колибри. Даже стерх – белый журавль, который сейчас занесен в Красную книгу и популяцию которого спасают несколько стран, не остался незамеченным Хлебниковым. А ведь в начале нашего века эта птица тоже была редчайшей.

Пожалуй, Велимир Хлебников – единственный поэт, который различает не только род, но и вид (!) птиц (во всяком случае мне другие такие примеры не известны). Поэтому в его стихотворениях встречается просто пеночка и пеночка зеленая, овсянка и овсянка золотая, дятел («Все твердит одно, как дятел») и черный дятел («Ей черный дятел был попутчик, /Жуков настойчивый лазутчик,/ Он красным теменем сверкал, /А сам был темен, точно сажа,/ И пищу по лесу искал, /Он леса был и стража»), славка и черноголовая славка... Этот перечень можно еще долго продолжать.

Подобной насыщенности «птичьими образами» русская (а может быть, и мировая?) поэзия не знала и не знает.

Так что в павдинской тайге заполнял дневники не только Хлебников-натуралист, но и Хлебников-поэт. Именно здесь Виктор стал уделять особенно пристальное внимание фиксации птичьих голосов. Описывая ночевку в старом доме у заброшенной шахты, куда утром залетали кедровки, он отмечает: «Крик их замечательно богат интонациями: то она злобно каркает, завидев врага, то стонет, то пищит, то бормочет, как бы разговаривая с кем-то. Наевшись, кедровка часто сидит подолгу, нахохлившись и закрыв глаза, видимо, наслаждаясь своим голосом, как бы рассказывая что-то о дневных впечатлениях на своем странном языке «пи-у, пи-у, пи-у», стонет она болезненно и жалостно: «пи-и, пи-и, пи-и», пищит она голосом тонким, как крик рябчика; вот настойчиво и вразумительно звучит её голос: «кинья, кинья, кинья», вот переходит в бормотанье: «кя, кя, кя», вот, вздрагивая от напряжения и ещё больше, как бы сердито ероша перья, грубо и хрипло шипит она...»[37]

Рядом в тексте – о черном дятле (желне): «Крик его можно передать как **пиить**, звучащим печально и протяжно. Промышленники (охот-

ники. – *В.А.*) уверяют, что это он дождю радуется, пить просит» (эта фраза в дневнике прокомментирована: крик дятла повторяется ночью 16 раз в минуту, его цель – отманить хищников от гнезда)[38].

Много позднее Вера Хлебникова писала, что из поездки в Павду Виктор привез «бесконечные записи, где много места уделялось напевам лесных птиц»[39]. И не будет преувеличением сказать, что эти записи – первый шаг к созданию «птичьего языка», одного из многих, составляющих поэтический стиль Велимира. И этот «птичий язык» был не заумью, не плодом воображения, а представлял из себя фактически поразительно точную звукозапись услышанного. Причем настолько похожую, что она и сейчас, при наличии чувствительных магнитофонов, удивляет специалистов.

Уже летом 1905 года вызревали у Виктора «птичьи разговоры», вошедшие в знаменитую «сверхповесть» «Зангези» и в некоторые его стихотворения. Например, в «Мудрость в силке (Утро в лесу)»:

Славка: бệботау-вевять!
Вьюрок: тьерти-едигреди!
Овсянка: кри-ти-ти-ти, тии!
Дубровник: вьер-вэр-виру, сьек, сьек, сьек!
Дятел: тпрань, тпрань, тпрань, а-ань!
Пеночка зеленая: прынь, пцыраб, пцыраб!
        пцыраб, сэ, сэ, сэ!

По возвращении из экспедиции в Павду Виктор ведет черновую обработку привезенных материалов: коллекции птиц (часть её – 106 экземпляров – поступила в зоологический музей Казанского университета) и дневниковых записей, продолжает вести орнитологические наблюдения – благо в 1905 – 1906 учебном году занятий в Казанском университете не было. 31 мая 1906 года в Столбищенской удельной лесной даче (недалеко от Казани) ему удалось «добыть» (термин натуралистов прошлого века) кукушку не встречавшегося ранее здесь вида. Этой теме и было посвящено первое публичное научное выступление Хлебникова-младшего на 403-м заседании Общества естествоиспытателей 29 октября 1906 года.

Заседание было по тем временам многолюдным: кроме действительных членов и членов-сотрудников Общества на нем присутствовало «35 человек посторонних посетителей». С научными сообщениями выступили профессор ботаники А.Я. Гордягин (1865 – 1932) и профессор минералогии Б.К. Поленов (1859 – 1923), а также студенты-натуралисты Сергей Лавров и Виктор Хлебников.

Сергея Хлебников хорошо знал. Почти в одно время они поступили на естественное отделение Казанского университета (первый – 10 августа, второй – 28 августа 1904 года), оба увлекались орнитологией (еще будучи студентом Лавров опубликовал в ученых записках «Систематический каталог птиц зоологического музея Казанского университета»), оба часто встречались на заседаниях общества. Впоследствии Сергей Дмитриевич стал профессором-зоологом, преподавал в вузах Тамбова, Омска, Алма-Аты, в 1931 – 1932 годах – в Казанском университете.

Интересно, что уже в своем первом научном сообщении Виктор Хлебников не только отметил факт появления в окрестностях Казани кукушки, близкой к сибирской форме, и дал её подробное и тщательное описание, но и попытался дать объяснение причин продвижения на запад нового вида: «это уменьшение площади, которое необходимо должно было вызвать попытки распространиться за пределы занимаемой им области, могло быть вызвано постройкой Великой Сибирской железной дороги и связанным с ней усилением переселенческого движения»[40].

Влияние деятельности человека на природу! О нем начали говорить уже в начале нашего века!

В обсуждении сообщения о новом виде кукушки принял участие действительный член Общества Эммануил Пельцам. Профессор Остроумов предложил напечатать заметки студентов, что и было сделано в «Приложении» № 240 к «Протоколам заседаний Общества» за 1906 – 1907 годы (так что первая публикация Велимира Хлебникова – не стихи, а научная работа). В ЦГАЛИ хранится оттиск этой публикации с надписью Владимира Алексеевича Хлебникова «Мое благословение». Отец одобрял первые шаги сына в науке.

Остроумов рекомендовал избрать Лаврова и Хлебникова членами-сотрудниками Общества. Возражений не последовало. И 3 декабря того же года Виктор выступал с «Отчетом о поездке на Урал летом 1905 года» уже в этом новом качестве (кстати, на заседании снова было многолюдно – пришло «до 20 человек посторонних посетителей», был в зале и довольный успехами сына отец).

Однако «Отчет о поездке на Урал» сам Виктор так и не подготовил к печати, хотя и занимался им в 1907 – 1908 годах. В 1910 году он присылает из Петербурга все свои материалы и заметки брату Александру, в результате в декабрьском номере за 1911 год журнала «Природа и охота» была напечатана статья «Орнитологические наблюдения на Павдинском заводе», подписанная: *В.В. и А.В. Хлебниковы.*

Велимир же в 1910 году посвящает одно из своих программных стихотворений «Змей поезда» «охотнику за лосями, павдинцу Попову; кон-

ный он напоминал Добрыню. Псы бежали за ним, как ручные волки. Шаг его – два шага простых людей». Годом раньше воспоминание о юношеской экспедиции проникло в произведение «Зверинец»: «Где синий красивейшина (павлин. – *В.А.*) роняет долу хвост, подобный видимой с Павдинского камня Сибири. Когда по золоту и зелени леса брошена синяя сеть от облаков, и все это разнообразно оттенено от неровностей почвы».

Павдинские впечатления еще стояли перед глазами.

Но наиболее глубокой из научных работ, изданных в студенческие годы Виктором Хлебниковым, является «Опыт построения одного естественнонаучного понятия» (напечатан в журнале «Вести студенческой жизни», 1910, №1. Без подписи). В статье сделана попытка закономерно связать пространство и время в природных процессах путем введения понятия «метабиоз» (по аналогии с симбиозом)— для выражения отношений двух жизней, протекающих в одном и том же месте, но в последовательно протекающие промежутки времени. Проблемы взаимоотношения живых существ в пространстве и времени занимали Велимира Хлебникова всю жизнь, а подступы к ее решению были сделаны ещё в казанские годы, в студенческую пору.

Но в свое время «Опыт построения...» никто не заметил. Никто! Статья была напечатана без подписи в журнале, у которого читателей почти что не было и который вскоре прекратил свое существование. Впрочем, если бы она и была подписана, вряд ли бы это что-то изменило. Кому была ведома фамилия Хлебников? Только сейчас – через десятилетия – статья привлекла внимание ученых самых разных специальностей. «Опыт построения...» перепечатан в последнем избранном поэта «Творения» (М., 1986). Этой работе посвящены специальные исследования. В одном из них, опубликованном в академическом сборнике «Вопросы истории естествознания и техники» (1987, № 2) В.В. Бабков сравнивает мысли Хлебникова об отношениях времени и пространства с учением о биосфере академика В.И. Вернадского, взглядами известного математика Германа Минковского и философа Павла Флоренского, чье творчество только в наши дни становится доступным читателям.

В.В. Бабков подчеркивает особое значение именно этой, ранней, работы поэта: «...Статья о симбиозе и метабиозе, будучи должным образом истолкована, бросает свет на все творчество Хлебникова, в котором (как бы ни пульсировал его поэтический метод) поэзия сплавлена с философией и исследованием феномена времени и феномена языка, а судьбы народов переплетаются с фактами его биографии... Статья о симбиозе и метабиозе интересна ещё и тем, что **из неё разворачивается весь мир Хлебникова**.

Исследователь Хлебникова только тогда не найдет в его творчестве недостатка путеводных знаков, когда он полностью осмыслит хлебниковский метабиоз»[41].

Это действительно так. Идеи юношеской работы впоследствии будут развиты Велимиром во многих произведениях, самых важных для него.

За 1904 – 1908 годы студент Хлебников успел сдать экзамены только за четыре семестра и закончить второй курс (ведь во время революции Казанский университет был закрыт почти на два учебных года). Но лекции, занятия, да и сама наука, естествознание как таковое, все меньше интересуют Виктора (хотя он всё ещё иногда посещает заседания Общества естествоиспытателей – 1 октября 1907 года, 17 февраля 1908 года, но уже не выступает на них). Всё больше времени и душевных сил занимает властно входящая в его жизнь Поэзия.

ДЛЯ «БЛАГА МНОГИХ...»

Годы студенчества, когда Виктор Хлебников учился в Казанском университете, не располагали к тому, чтобы целиком отдаться занятиям наукой. Не позволяла этого сделать жизнь, не давала забыть о себе российская действительность. Острой болью в сердце каждого русского отозвалась русско-японская война, известие о гибели эскадры в Цусимском сражении. «Первое решение искать законов времени, – напишет впоследствии Хлебников в «Досках судьбы», – явилось на другой день после Цусимы, когда известие о Цусимском бое дошло в Ярославский край, где я жил тогда... Я хотел найти оправдание смертям»[42].

На этой же дате начала поисков «законов времени» поэт настаивает и в «Своясях» – своеобразном предисловии-объяснении к книге «Все сочиненное В. Хлебниковым», которую собирались издать в 1919 году: «Законы времени, обещание найти которые было написано мной на березе (в селе Бурмакине Ярославской губернии) при известии о Цусиме, собирались 10 лет»[43].

Цусимское сражение произошло 14 – 15 мая 1905 года. Однако в мае этого года Виктор вместе с братом Александром был в экспедиции на Павдинском заводе (первое наблюдение в их дневнике датируется 12 мая). Поэтому в точности сообщения самого Хлебникова можно усомниться (ведь обе записи сделаны спустя более чем десять лет!). Но бесспорно другое – гибель русской эскадры настолько глубоко его потрясла, что он поклялся найти «законы времени», которые должны были закономерно связать и объяснить связь исторических событий, судеб людских и народных. И хотя во время русско-японской войны Хлебни-

ков занимал пораженческую позицию, чем вызывал негодование обывателей (об этом вспоминает его мать Екатерина Николаевна), Цусиму он воспринял как событие трагическое, позорное для России, что отразилось в ряде патриотических стихотворений, написанных как непосредственно в 1905 году, так и позже. Да, сейчас

Было монистом из русских жизней
В Цусиме повязано горло морей..,
но возмездие неминуемо:
И тогда мои не могут более молчать уста!
Перун толкнул разгневанно...
И млат охватив, стал меч ковать из руд,
Дав клятву показать вселенной,
Что значит русский суд! –

провозглашает молодой поэт в стихотворении «Были вещи слишком сини» (написано, вероятно, в 1906 – 1908 годах).

Страна бурлила, поднималась на борьбу с царизмом. Самое активное участие в этой борьбе – и в месяцы перед первой русской революцией, и в бурные 1905 и 1906 годы – принимало передовое студенчество. Казанский университет не был исключением, он стал одним из центров революционной пропаганды и агитации.

Мы не располагаем документальными данными о конкретных фактах участия Виктора Хлебникова в революционных событиях 1905 – 1907 годов, но можно не сомневаться, что на университетских сходках и митингах, в которых принимало участие подавляющее большинство студентов, он, конечно, был неоднократно. Назовем хотя бы важнейшие из них: ведь это хроника университетской жизни тех лет, хроника событий, определявшая судьбу сотен пылких юношей, одушевленных страстной мечтой о народной свободе.

5 ноября 1904 года. Торжественный годичный университетский акт превратился в политическую демонстрацию. Из актового зала студенты вышли на улицу под красным знаменем с надписью «Долой самодержавие, да здравствует социализм!». Конная полиция пустила в ход нагайки...

23 января 1905 года. Многолюдная сходка в общежитии – на ней присутствовало 650 человек! – принимает решение о забастовке. На следующий день Казанский университет (в хронологическом порядке – третий в стране) был закрыт.

18 февраля 1905 года. Новая общеуниверситетская сходка, на неё пришло 537 человек. Решено продолжить забастовку до 1 сентября. Больше в этом учебном году занятий в Казанском университете не было,

он стал местом массовых политических митингов, в которых принимают участие не только студенты, гимназисты, но и рабочие. «Все шли в эти заповедные стены послушать свободное слово; сюда не могли проникнуть казацкая нагайка и «селедка» (шашка) городового, ибо с университетского порога власть полиции кончалась, и переступивший этот порог обыватель немедленно превращался в свободного гражданина, которому были обеспечены неприкосновенность личности и свобода собраний», – пишет историк С.Е. Лившиц (речь идет о сентябре-октябре 1905 года)[44].

16 октября 1905 года университет был оцеплен полицией, целый день вокруг него происходило настоящее сражение между студентами и гимназистами с полицией и казаками. Впервые в истории на главном университетском корпусе, рядом с крестом, развевался красный флаг. Поднял его студент естественного отделения Петр Драверт (впоследствии известный советский ученый и поэт). Виктор Хлебников хорошо его знал по Обществу естествоиспытателей. Уже в 1902 году Драверт был избран членом-сотрудником этого Общества, много ездил по Уралу и Поволжью, дважды направлялся в экспедиции на Байкал. Как и Виктор, он был из породы наблюдателей природы, вечных путешественников и борцов за правду.

Именно политические события определяли в эти тревожные годы формирование мировоззрения молодежи, становление её убеждений. Так или иначе политика входила в жизнь каждого. Вера Хлебникова вспоминает о брате: «Затем, верно около 1905 года, стал увлекаться политикой, затем – революционным движением. Помню, он как-то запер свою комнату на крюк и торжественно вынул из-под кровати жандармское пальто и шашку, так, по его словам, он должен был перенарядиться с товарищами, чтобы остановить какую-то почту, затем это было отложено. И однажды он с моей детской помощью зашил все это в свой тюфяк, подальше от взоров родных»[45].

Об этом же свидетельствует мать поэта: революцию 1905 года Виктор встретил «с увлечением», посещал митинги, собирался принять участие в защите евреев от погромов, был членом революционного кружка, готовившего какую-то экспроприацию».

Революция 1905 года займет заметное место в творчестве Велимира. Но это будет потом, потом! Однако и сейчас, по горячим следам событий, Виктор Хлебников пытается их осмыслить. Очень характерна в этом отношении такая, например, прозаическая аллегория (без названия), созвучная мотивам романтических произведений молодого Горького:

«Была тьма, была такая черная тьма, что она переставала казаться тьмой и представлялась вся слитой из синих, зеленых и красных огней.

И в этой тьме ползали чем-то невзрачные, липкие, не отличимые от земли существа, чьи-то незаметные, скучные, тихие жизни. Но эти существа не замечали скуки жизни. Чего-то им не доставало, чего-то им не хватало, к чему-то они порывались, но они не знали, что эта жизнь скучна, что эта скука – жизнью подымается в них порой и жадно и долго дышит, как чахоточный, и падает, схватившись за впалую грудь. И жили они долго и скучно, долго, очень долго, но скучно, скучно, липко ползая во тьме.

Но в той же тьме был один светлячок, и он подумал: «что лучше: долго, долго ползать во тьме и жизни неслышной или же раз загореться белым огнем, пролететь белой искрой, белой песней пропеть о жизни другой, не черного мрака, а игры и потоков белого света». И больше не думал, но обвязал смолой и пухом ивы тонкие крылья и, воспламененный и подгоняемый бушующим огнем, жалкий и маленький, пролетел белой искрой в черной тьме и упал с опаленными крылышками...

Но свет мелькнул. И прозрели существа во тьме, неслышно и липко ползающие по земле: с лебединой силой проснулась тоска по свету.

Когда же после тьмы наступил день, тогда в потоках солнечного света кружилось много существ. То кружились они, познавшие свет...»

Аллегория написана в 1905 году. В пояснениях она не нуждается. К свободе, к свету! – провозглашает Хлебников. – Только революционный подвиг может привести человечество к новой жизни.

Такими же настроениями проникнута и другая аллегория «Песнь мраков» (датируется 1906 – 1907 годами), воспевающая двух юношей, которые «решили умереть с другими за благо многих. О плачьте, плачьте слезами радости!»

«Благо многих», благо человечества, благо всех людей – именно в этом видит Виктор Хлебников высший смысл отдельной человеческой жизни. Борьбе за «благо многих» надо отдавать все свои силы, а если потребуется – и жизнь. С такой высокой меркой требовательности подходит к себе студент естественного отделения Казанского университета, он не думает о легкодостижимом, сегодняшнем, сиюминутном – он ставит перед собой огромнейшие задачи, твердо веря в свои силы и потенциальные возможности. Он знает (в двадцать лет!), что должен сделать.

Буквально поражает одна из первых (а может быть, и первая?) статей Виктора, написанная 24 ноября 1904 года, когда он вторично стал первокурсником. Хлебников ещё не решил, кем будет: поэтом или ученым, но полон ощущения того, что предстоит свершить.

Уже тогда Виктор осознает абсолютное единство человека и природы; не верится, что эти строки написаны почти 90 лет назад, когда о проблемах экологии почти никто и не задумывался всерьез. Как же нуж-

но было опередить свою эпоху, чтобы без тени сомнения писать: «Пусть на могильной плите прочтут: он боролся с видом и сорвал с себя его тягу. Он не видел различия между человеческим видом и животными видами и стоял за распространение на благородные животные виды заповеди и её действия: «люби ближнего, как самого себя». Он называл неделимых благородных животных своими ближними и указывал на пользу использования жизненного опыта прошлой жизни наиболее древних видов. Так он полагал, что благу человеческого рода соответствует введение в людском обиходе чего-то подобного установлению рабочих пчел в пчелином улье, и не раз высказывал, что видит в идее рабочей пчелы идеал свой лично...»[46]

Проблемы видов долго занимали Хлебникова. Брату Александру 16 января 1910 года он пишет: «Может быть, можно к твоему докладу добавить хвостик, чтобы высказаться мне о происхождении видов? Мне кажется, что в этом вопросе я был глубок и нов"[47].

Однако в статье 1904 года вид – понятие не чисто научное, речь идет о гуманистической предназначенности человеческой личности – особенно в отношениях с животными – «братьями нашими меньшими», об использовании людьми окружающей природы, о том, что каждый должен трудиться (отсюда полемически заостренный пример: идеал – в целесообразности жизни «рабочей пчелы»).

А далее – набросок программы самому себе: «Он грезил об отдаленном будущем, о земляном коме будущего, и мечты его были вдохновенные, когда он сравнивал землю с степным зверком, перебегающим от кустика до кустика. Он нашел истинную классификацию наук, он связал время с пространством, он создал геометрию чисел. Он нашел славяний (общеславянский язык. – *В.А.*), он основал институт изучения дородовой жизни ребенка. Он нашел микроб прогрессивного паралича, он связал и выяснил основы химии в пространстве»[48].

Поразительно, что все это написано в неполные 20 лет. Так остро почувствовать собственный долг перед – страшно сказать – человечеством! Поистине 1903 – 1908 годы – это время становления не только Хлебникова-естествоиспытателя, подающего надежды ученого-натуралиста. Это, прежде всего, годы становления Хлебникова-человека. Конечно, и поэта. Но сначала, прежде всего, – человека, гражданина!

А писал Виктор с каждым годом все больше и больше. И без этого уже не мог жить.

СТАНОВЛЕНИЕ ВЕЛИМИРА

Когда Виктор написал свое первое стихотворение – мы не знаем. Сочинять он начал очень рано, в младших классах гимназии. Самое

раннее его «творение», которое время сохранило нам, датировано 6 апреля 1897 года (то есть написано еще до приезда в Казань). Вот начало этого (бесспорно, еще очень подражательного) стихотворения «Птичка в клетке» двенадцатилетнего Хлебникова:

О чем поешь ты, птичка в клетке?
О том ли, как попалась в сетку?
Как гнездышко ты вила?
Как тебя с подружкой клетка разлучила?
Или о счастии твоем
В милом гнездышке своем?
Иль как мушек ты ловила
И их деткам носила?
О свободе ли, лесах?
О высоких ли холмах,
О лугах ли зеленых,
О полях ли просторных?..

Но уже в гимназические годы Хлебников серьезно увлекся фольклором, и в его творчество прочно входят мотивы и образы народных сказок, легенд, песен, заклинаний, причем входят на всю жизнь. Так, одно из самых ранних казанских (из дошедших до нас, естественно) – явное подражание протяжной и печальной русской народной песне:

Как во лодочке, во лодочке,
Красна девица сидит, пригорюнившись.
Как во озере, во озере,
Зелена лягушечка расквакалась.
И ты что это, лягушечка расквакалась,
Расквакалась жалобнехонько?
Али мне без тебя не тошнехонько?
Ах, ты девица, девица,
Девица красная,
Мне ли зеленушечке, мне ли не плакать?...

Стихотворение написано в 1903 – 1904 годах (датировка предположительная – впрочем, как и для подавляющего большинства других ранних произведений Хлебникова). А образ лягушки (в фольклорно-сказочном варианте) присутствует и в другом его раннем стихотворении (очевидно, тоже казанского периода – исследователи датируют его 1908 – 1909 годами):

Кому сказатеньки,
Как важно жила барынька,
Нет, не важная барыня,
А, так сказать, лягушечка:

Толста, низка и в сарафане,
И дружбу вела большевитую
С сосновыми князьями.
И зеркальные топила
Обозначили следы,
Где она весной ступила,
Дева ветреной воды.

Конечно, фольклорные подражния далеко не исчерпывали содержания первых опытов начинающего поэта, они составляли один из компонентов их.

Гимназист, а затем и студент Виктор Хлебников не афиширует увлечение поэзией, скрывает свои «опыты пера» от окружающих, даже близких. Но летом 1904 года он делает решительный шаг: посылает несколько своих произведений (и прозаических тоже) самому Максиму Горькому. Известный писатель, имя которого знала уже вся читающая Россия, ответил Виктору (об этом он упоминает в письме издателю К.П. Пятницкому от 12 – 14 сентября 1904 года).

Огромной и неожиданной радостью застенчивый Виктор поделился только с младшей сестрой Верой, которая впоследствии писала: «Я смутно помню, что как-то, взяв меня таинственно за руку, он увел в свою комнату и показал рукопись, исписанную его бисерным почерком, внизу стояла крупная подпись красным карандашом «Горький», и многие места были подчеркнуты и перечеркнуты красным. Витя объяснил, что он посылал свое сочинение Горькому и тот вернул со своими заметками, насколько помню, одобрил, так что вид у Вити был гордый и радостный»[49].

Одобрение Максима Горького, полученное юношей, только что ставшим первокурсником Казанского университета, обязывало – Виктор все требовательнее относится к написанному. Начинается бесконечная, никогда не прекращавшаяся работа над каждой стихотворной строкой, образом, словом. Вскоре она даст поразительные результаты. Поэтому рассматривать казанский период творчества поэта просто как годы ученичества, годы подступов к овладению поэтической формой нельзя.

Естественно, не обошлось без влияний, сменявших друг друга увлечений. То Виктор не расстается со сборником Сергея Городецкого «Ярь» (одно лето постоянно носил его за пазухой!), то десятки раз перечитывает «Северную симфонию» Андрея Белого и «Посолонь» Алексея Ремизова...

Для нас, подавляющее большинство из которых не только не читало этих книг, но и не слышало их названий (это ярко характеризует современный уровень образованности общества), эти увлечения Хлебнико-

ва не совсем понятны. Для начала же нашего века – вполне естественны. Приведем отзывы об этих изданиях Максимилиана Волошина (он был на семь лет старше Виктора и к этому времени уже активно печатался в газетах и журналах).

В рецензии на «Ярь» (сборник вышел в свет в ноябре 1906 года) Волошин писал: ««Ярь» – это прекрасное старое слово войдет снова в русский язык вместе с этой книгой. Редко можно встретить более полное и более согласное слияние имени с содержанием.

Ярь – это все, что ярко: ярость гнева, зеленая краска – ярь-медянка, ярый хмель, ярь – всходы весеннего сева, ярь – зеленый свет.

Но самое древнее и глубокое значение слова *Ярь* – это производительные силы жизни...

Эта книга действительно Ярь русской поэзии, совсем новые и буйные силы, которые вырвались из самой глубины древнего творческого сознания; корни этих молодых побегов ютятся в самых недрах народного духа...»[50]

Не менее восторжен отзыв Волошина о «Посолони» (издана в 1907 году): это «книга народных мифов и детских сказок. Главная драгоценность её – это её язык. Старинный ларец из резной кости, наполненный драгоценными камнями... Язык этой книги, как весенняя степь, когда благоухание, птичий гомон и пение ручейков сливаются в один многочисленный оркестр... И когда приникаешь всем лицом в эту благоухающую гамму диких трав, то стоишь зачарованный цветами... зачарованным ухом вникая в шелесты таинственных голосов земли»[51].

Виктор Хлебников хорошо знает популярных во всем мире Джека Лондона, Кнута Гамсуна, Редъярда Киплинга, в его комнате часто можно было увидеть тома собрания сочинений тщательно изучавшегося Гоголя и рядом – новые номера журнала «Золотое руно». В 1907 году живо «интересовался привезенными мной из Парижа книгами Верхарна (одно из его стихотворений Виктор перевел на русский язык как раз в это время. – *В.А.*), Гюйсманса, Метерлинка, Бодлера, Верлена, антологией французской поэзии» (воспоминания Дмитрия Дамперова, студента Казанского университета с августа 1902 года, активного участника революционных кружков)[52].

Но не влияния, не увлечения определяли первые самостоятельные шаги начинающего поэта. С самого начала Виктор настойчиво ищет свой путь. Старается сказать свое, самобытное слово. И часто это ему удается. Многое из того, что впоследствии прославило Велимира Хлебникова, сделало его признанным «поэтом поэтов», успешно формировалось в Казани.

Уже для самого раннего Хлебникова характерен пристальный интерес к древней и средневековой истории, прежде всего к её романтическим страницам и образам, первобытному периоду жизни народов, к их языческой мифологии. Особенно пристальное внимание поэта привлекают мифология и фольклор славянских народов, на их основе он создал собственный мир и населил его лешими, водяными, мавами (русалками), вилами (лесными девами) и другими фантастическими существами. Так, в рождественской сказке «Снежимочка» (1908 год), навеянной мотивами «Снегурочки» А.Н. Островского, действуют снезини, смехини, немини, слепини, Сказчик-морочич, Березомир, снежные мамки, Дедушка Ховун, Печальный леший, Няня-леший, Снежак и Снежачиха, Древолюд, звери и птицы (заяц, волк, ворон, снегири), а также реальные люди (молодой рабочий, прохожие, нищий, ученый, пристав)...

В эти же годы Виктор приходит к мыслям о родстве человека и природы, общей основе чувств человека и животных, о существовании единого разума природы. Чрезвычайно характерно в этом отношении одно из очень ранних стихотворений (1904 – 1905 годы):

Странник, ты видел,
Как конь иногда
Замученный, дико оком поводя,
На тихую поверхность вод голубых
Пену ронял.
Ты знаешь, что кони
В страданиях и муках
Пеною плачут? Слез у них нет.
Странник, взгляни вон на то облако,
Чернеющее с разорванными краями,
Одно на лазури небес.
Знай, – это земля уронила
На лазурные воды небес
В миг страдания, – миг падения под ярмом судьбы,
Ту пену уронила.
В миг, когда проклятье с уст
Дерзко сорваться готово...

Позднее (1912 год) та же почти мысль выльется в афористическое четверостишие:

Когда умирают кони – дышат,
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – они гаснут,
Когда умирают люди – поют песни.

Впрочем, об этом же писал Хлебников и в уже упоминавшейся статье-декларации «Пусть на могильной плите прочтут...».

В студенческие годы начинает Виктор и свои эксперименты со словом. Он мечтает создать общеславянский язык (отсюда обилие в его лексиконе украинских, чешских, полабских слов), активно занимается словотворчеством – причем вполне понятным любому, как бы развивающим потенциальные возможности русской речи и придающим ей новые, незнакомые музыкальные оттенки и особые краски. Вот одно из самых прозрачных юношеских хлебниковских стихотворений (начало 1908 года):

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
Где шумели тихо ели,
Где поюны крик пропели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
В беспорядке диком теней,
Где как морок старых дней,
Закружились, зазвенели
Стая легких времирей,
Стая легких времирей!
Ты поюнна и вабна,
Душу ты пьянишь, как струны,
В сердце входишь, как волна!
Ну же, звонкие поюны,
Славу легких времирей!

Нуждается ли что-нибудь здесь в пояснении? Разве что эпитет «вабна» – так это вовсе не хлебниковский неологизм, а старинное русское слово, оно есть в словаре Владимира Даля («вабный – лакомый, заманчивый, блазнительный»).

В Казани же Виктор начинает сознательную разработку «птичьего» и «звездного» языков. Заметим, что впервые мысль о «звездном языке» – понятном всему человечеству («единый смертных разговор») – пришла не к признанному «поэту поэтов» Велимиру, а к студенту-первокурснику, еще в 1904 году!

Как бы ни относиться к словотворчеству и другим экспериментам Хлебникова, роль их в развитии русской и мировой поэзии огромна. Известнейший советский поэт Осип Мандельштам писал: «Хлебников возится со словами, как крот, между тем он прорыл в земле ходы для

будущего на – целое столетие»[53]. А Николай Асеев во времена, когда творчество Велимира было не в чести, напоминал: «Маяковский видел в Хлебникове неповторимого мастера звучания, не укладывающегося ни в какие рамки науки о языке, как бы своего рода Лобачевского слова»[54].

Было время, когда словотворчество Велимира называли (а кое-кто и сейчас называет, правда уже под недоуменными взглядами большинства окружающих) «бессмысленной заумью». Я сам (позволю себе сделать личное отступление) впервые узнал об этом поэте как о формалисте-заумнике из школьного учебника для 10-го класса. Случилось это в середине 50-х годов, автором учебника был Тимофеев (впрочем, по объему фактических данных это пособие намного богаче сегодняшних). Как пример бессмыслицы приводились строки:

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй – пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.

На этом – очевидно для большей «непонятности» – автор учебника обрывал цитату, хотя в этом маленьком хлебниковском шедевре до конца оставалось всего две строки:

Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Напечатанная мелким шрифтом, так сказать в необязательной, факультативной части школьного пособия по советской литературе, усеченная цитата мгновенно запомнилась, поразила музыкальностью, вызвала острое, прямо нестерпимое (но трудно осуществимое тогда, в 50-е годы) желание прочесть хоть что-нибудь еще хлебниковское.

Но прерву личное воспоминание. Приведу поразительно точный комментарий к этим строкам известного писателя, филолога, знатока русской литературы Юрия Тынянова: «Переводя лицо в план звуков, Хлебников достиг замечательной конкретности:

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры...

Губы здесь просто осязательны – в прямом смысле. Здесь в чередовании губных **б**, лабиализованных **о** с нейтральными **э** и **и** дана движущаяся реальная картина губ; здесь орган назван, вызван к языковой жизни через воспроизведение работы этого органа»[55].

Такая вот звукопись – когда предмет, явление не называются, не описываются, а рисуются, изображаются фонетическими средствами – одно из направлений языкового эксперимента Хлебникова. Подчеркиваю, только одно! А ведь их было множество!

Остается добавить, что «Бобэоби», опубликованное в 1912 году, написано много ранее. Может быть, в казанский период. Составители последнего по времени издания произведений Хлебникова (Творения. – М., 1986) относят его к 1908 – 1909 годам.

Тогда же было написано и другое знаменитое экспериментальное стихотворение Хлебникова «Заклятие смехом», в котором поэт создал множество различно эмоционально окрашенных новообразований от слова «смех»:

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеянствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешищ надсмеяльных – смех усмейных
смехачей!
О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
Смейево, смейево,
Усмей, осмей, смешики, смешики,
Смеюнчики, смеюнчики,
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь смехачи!

«Заклятие смехом» сам Велимир ценил высоко. В 1914 году, отвечая на анкету С.А. Венгерова, составлявшего многотомный словарь русских писателей, он заметил: «В годы студенчества думал о возрождении языка, написал стихи «О, рассмейтесь» и «Игра в аду»[56]. В 1919 году, в программной статье «Свояси», Хлебников писал: «В «Кузнечике», в «Бобэоби», в «О, рассмейтесь» были узлы будущего – малый выход бога огня и его веселый плеск. Когда я замечал, как старые строки вдруг тускнели, когда скрытое в них содержание становилось сегодняшним днем, я понял, что родина творчества – будущее. Оттуда дует ветер богов слова»[57].

Кстати, «Кузнечик» датируется также 1908 – 1909 годом. Это стихотворение – и звукопись, и живопись одновременно:

Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь! – тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!

(«Зинзивер» – народное название большого хищного кузнечика, который питается не только травами, но и «верами», т.е. живыми существами).

Еще один постоянный мотив раннего Хлебникова – противопоставление города, «машинной цивилизации» живой природе, в дальнейшем оно выльется в изображение «бунта вещей» (машин) против человека. Уже первыми самостоятельными творческими шагами Велимир показал себя настоящим Мастером краткого, афористического, но поразительно проникающего в суть и предельно емкого образа – характеристики. Разве можно, прочитав хоть однажды, забыть, например, такое семистишие:

Из мешка
На пол рассыпались вещи.
И я думаю,
Что мир –
Только усмешка,
Что теплится
На устах повешенного.

Снова и снова приходится повторять: все это написано в 1908 году! Словно уже тогда увидел Хлебников и первую мировую войну, и крушение старого мира.

А каким даром предвидения надо было обладать, чтобы в том же 1908-м сказать: «Умночий и рабочий – два дружные крыла» («умночий» – новообразование поэта, человек умственного труда, интеллигент; Виктор старался не употреблять иноязычных слов с латинскими корнями и заменял их на русские), заглянув на десятилетия вперед.

А размышления о судьбах родины:

Пребудешь темным ликом
Всегда – везде – для всех великим.

И это опять 1908-й! Когда кровоточили раны расстрелянной революции, когда страна казалась раздавленной реакцией. Непоколебимой была вера Хлебникова в предназначение России.

И в это же время он доделывал сказочную «Снежимочку» – трудно даже представить творческий диапазон поэта.

А было ему всего 23 года...

В будущем Велимир скажет еще афористичнее о своей Родине: «Русь! Ты вся – поцелуй на морозе» и о своем отношении к ней:

Мне много ль надо?
Коврига хлеба

И капля молока.
Да это небо,
Да эти облака!

Только «это» небо и только «эти» облака!

Казанский период жизни Хлебникова – это не только годы его поэтического становления, годы первых творческих свершений. Тогда же он теоретически осмысляет свои поиски, намечает новые пути развития русской литературы. В статье «Курган Святогора» (1908 год), размышляя об исторических судьбах России, необходимости преодоления чуждого западного влияния в культуре и литературе, он провозглашает тезис, ставший предметом ожесточенных споров и дискуссий: «И если живой и сущий в устах народных язык может быть уподобен доломерию Эвклида (доломерие. – геометрия. – *В.А.*), то не может ли народ русский позволить себе роскошь, не доступную другим народам, создать язык – подобие доломерия Лобачевского, этой тени чужих миров (космических! Вот истоки мечты о «звездном языке»! – *В.А.*)? На эту роскошь русский народ не имеет ли права? Русское умничество, всегда алчущее прав, откажется ли от того, которое ему вручает сама воля народная: права словотворчества.

Кто знает русскую деревню, знает о словах, образованных на час и живущих веком мотылька (Велимир никогда не претендовал на то, что все его новообразования войдут в общенародный язык. – *В.А.*)...»[58]

Необходимость соответствия искусства народным чаяниям Хлебников подчеркивал и в дальнейшем. Обобщение своих юношеских размышлений по этому поводу он сформулировал в «Учителе и ученике» (1912 год): «Писатели единогласны, что русская жизнь есть ужас. Но почему не согласна с ними народная песнь?»[59].

Таковы некоторые итоги напряженной душевной работы и творческих поисков Виктора в бытность его студентом Казанского университета. Но все это происходило внутри него! Он не только не пытался напечатать свои стихи, но и не показывал их никому. В.И. Дамперова пишет в своих воспоминаниях: «С Хлебниковым я познакомилась в Казани за два или полтора года до его отъезда в Петербург (т.е. в 1906 году. – *В.А.*). Он был студентом-естественником и часто бывал у нас. Был он застенчив, скромен, знакомств почти не поддерживал, товарищей почти не имел, мы были, вероятно, единственным семейством, в котором он чувствовал себя просто. Приходил он ежедневно, садился в углу, и бывало так, что за весь вечер не произносил ни одного слова; сидит, потирает руки, улыбается, слушает. Слыл он чудаком. Говорил очень тихим голосом, почти шепотом, это было странно при его большом ро-

сте. Но иногда говорил и громко. Шепотом же говорил скорее от застенчивости. Был неуклюж, сутулился, даже летом носил длинный черный сюртук. В университете работал довольно усердно, но уже в то время увлекался литературой: ходил с номером журнала «Весы»; очень любил Сологуба и любил декламировать его стихи. Сам он писал уже в то время, но скрывал это – от той же застенчивости. На вопросы отвечал, что это пустяки, и однажды он с моим братом проходил часа три на морозе, пока решился сказать, что написал стихи...»[60]

Так мало знали о Хлебникове даже самые близкие ему люди...

В ПЕТЕРБУРГ

Всё изменилось лишь весной 1908 года. Решение было принято окончательное, выбор сделан. 31 марта Виктор посылает письмо к известному поэту-символисту Вячеславу Иванову: «Читая эти стихи, я помнил о «всеславянском языке», побеги которого должны прорасти толщи современного, русского. Вот почему именно ваше мнение об этих стихах мне дорого и важно и именно к вам я решаюсь обратиться. Если вы найдете возможным, выскажите свое мнение о присланных строках, послав свое письмо по адресу: Казань, 2 гора, д. Ульянова ст[уденту] В.В. Хлебникову. Буду премного благодарен вам»[61].

К письму было приложено 14 стихотворений.

Почему Хлебников послал стихи именно Вячеславу Иванову? Скорее всего, от созвучности некоторых принципиальных воззрений на природу будущего поэтического слова (каким оно им рисовалось). Еще в 1907 году в статье «О веселом ремесле и умном веселии» Иванов с уверенностью провозглашал: «Через толщу современной речи, язык поэзии – наш язык – должен прорасти и уже прорастает из подпочвенных корней народного слова, чтобы загудеть голосистым лесом всеславянского слова»[62].

Уже простое стилистическое сопоставление доказывает, что письмо Виктора Хлебникова – отклик на статью петербургского поэта. И посылаемые стихи должны были подтвердить утверждение Вячеслава Иванова – да, действительно новый «язык поэзии ... уже прорастает».

Среди 14 стихотворений, посланных в Петербург, одно – общеизвестное, «Там, где жили свиристели», печатавшееся почти во всех выходивших сборниках поэта, с другими же читатель знаком гораздо хуже, так как большинство из них увидело свет только в книге «Неизданные произведения» Велимира Хлебникова, подготовленной Н. Харджиевым и изданной в 1940 году мизерным тиражом – 5000 экземпляров. Это

«Желание-смеяние», «Снегич узывный», «Негошь белых дней», «Любоч бледности уст», «Вот струны», «В золоте борона вечера ворон летел», «Охотник скрытных долей», «Я в бор бытий вошел» и др.

Все эти стихотворения – дань увлечению словотворчеством, особенно характерным для раннего Велимира. Но и в них бесспорно чувствуется подлинное поэтическое чувство и оригинальное, неподражательное видение мира:

Облакини плыли и рыдали
Над высокими далями далей.
Облакини сени кидали
Над печальными далями далей...

Или:

Поюнности рыдальных склонов,
Знаюнности сияльных звонов
В венок скрутились
И жалом многожалым
Чело страдальное овили.
И в бездумном игранььи играний
Расплескались яри бываний...»

(«Нега – неголь»)

Ответное письмо Иванова Хлебникову не сохранилось. Но можно с большой долей уверенности предположить, что реакция петербургского мэтра была весьма положительной. Во всяком случае, весной того же 1908 года поэты познакомились лично, когда оба находились в Судаке, в Крыму. Да и после переезда из Казани в Петербург первым из литераторов, с которым Виктор установил прочные связи, был Вячеслав Иванов.

Конечно, позже у них будет много литературных разногласий, неприятие творчества друг друга. Но все это – не в 1908-м и не в начале 1909 года.

В 1909 году Вячеслав Иванов посвятил В.В. Хлебникову стихотворение «Подстерегателю»:

Нет, робкий мой подстерегатель,
Лазутчик милый! Я не бес,
Не искуситель, – испытатель,
Оселок, циркуль, лот, отвес.
Измерить верно, взвесить право,
Хочу сердца – и в вязкий взор
Я погружаю взор, лукаво
Стеля, как невод, разговор.

И, совопросник, соглядатай,
Ловец, промысливший улов,
Чрез миг – я целиной богатой,
Оратай, провожу волов:
Дабы в душе чужой, как в нови,
Живую взрезав борозду,
Из ясных звезд моей Любови
Посеять семенем – звезду.

Это стихотворение Иванов опубликовал в первой части своего (пожалуй, лучшего) сборника «Cor ardens» («Пламенеющие сердца»), изданного в 1911 году, в разделе «Пристрастия». Ему же принадлежит и такая оценка Хлебникова: «Велимир – безусловно гениален. Он подобен автору «Слова о полку Игореве», чудом дожившему до нашего времени"[63].

В свою очередь, Велимир посвятил Вячеславу Иванову одну из лучших прозаических поэм – «Зверинец», написанную летом 1909 года:

«О, Сад, Сад!

Где железо подобно отцу, напоминающему братьям, что они братья, и останавливающему кровопролитную схватку...

Где орлы сидят подобны вечности, означенной сегодняшним, еще лишенным вечера, днем.

Где верблюд, чей высокий горб лишен всадника, знает разгадку буддизма и затаил ужимку Китая.

Где олень лишь испуг, цветущий широким камнем...

Где черный взор лебедя, который весь подобен зиме, а черно-желтый клюв – осенней рощице, – немного осторожен и недоверчив для него самого...

Где у австралийских птиц хочется взять хвост и, ударяя по струнам, воспеть подвиги русских...

Где в лице тигра, обрамленном белой бородой я с глазами пожилого мусульманина, мы чтим первого последователя пророка и читаем сущность ислама...

Где орел жалуется на что-то, как усталый жаловаться ребенок...

Где толстый блестящий морж машет, как усталая красавица, скользя черной веерообразной ногой и после падает в воду, а когда он вскатывается снова на помост, на его жирном могучем теле показывается усатая, щетинистая, с гладким лбом голова Ницше.

Где челюсть у белой высокой черноглазой ламы и у плоскорогого низкого буйвола и у прочих жвачных движется ровно направо и налево, как жизнь страны.

Где носорог носит в бело-красных глазах неугасимую ярость низверженного царя и один из всех зверей не скрывает своего презрения к людям, как к восстанию рабов. И в нем притаился Иоанн Грозный...

Где в зверях погибают какие-то прекрасные возможности, как вписанное в часослов Слово о полку Игореви во время пожара Москвы.

Первоначальный вариант «Зверинца» – в письме Вячеславу Иванову от 10 июня 1909 года, в письме, начинающемся и кончающемся очень «по-хлебниковски»: «Знаете: я пишу вам только, чтобы передать, что мне отчего-то грустно, что я непонятно, через 4 ч[аса] уезжая, грущу... Что я делал эти несколько дней? Я был в Зоолог[ическом] саду, и мне странно бросилась в глаза какая-то связь верблюда с буддизмом, а тигра с Исламом. После короткого размышления я пришел к формуле, что виды – дети вер и что веры – младенческие виды. Один и тот камень разбил на две струи человечество, дав буддизм и Ислам, и непрерывный стержень животного бытия, родив тигра и ладью пустыни.

Я в спокойном лице верблюда читал развернутую буддийскую книгу. На лице тигра какие-то резы гласили закон Магомета. Отсюда недалеко до утверждения: виды потому виды, что их звери умели по-разному видеть божество (лик)... Прощайте! в смысле до нового увидания! Дайте мне возможность на бумаге проститься с теми, кого я не увидел, прощаясь. Передайте мой порыв и богомольность»[64].

Итак, роль Вячеслава Иванова в самых первых шагах петербургского становления Велимира бесспорна. Однако вернемся немного назад. 31 марта Виктор послал письмо в Петербург, занятия в университете все более и более тяготили его, начало пошаливать здоровье. И весной 1908 года вместе с матерью, Екатериной Николаевной, братом Александром и сестрой Верой он едет в Крым, в Судак. Там Хлебниковы прожили несколько месяцев.

Хоть какое-то представление о крымской жизни передает сохранившийся отрывок письма Александра отцу, посланного в Казань в мае 1908 года: «... Я совершенно не представляю, что можно писать о нашем житье – мелочи писать долго и скучно, общее же впечатление передавать рискованно – придется пророчить, так как никаких положительных результатов от нашей жизни в Судаке пока нет. Я просто дам несколько иллюстраций нашей жизни: Екатерина Николаевна до сих пор стряпала, ходила в Судак... теперь мы хотим избавить ее от хлопот и брать обеды от хозяйки. Здоровье ее мало поправляется, так как она мало гуляет. Вера сначала сильно увлекалась прогулками и бегала по горам одна... Витя очень был занят комильфотностью и барышнями...»[65]

А для сборников – будущих – были написаны «Крымское», «Алчак» (так называется мыс в Крыму) и другие стихотворения – полные светлых впечатлений от солнечных дней, моря и собственной, такой неповторимой молодости:

...Море в этом заливе совсем засыпает.
Засыпают

Рыбаки в море невод.
Небо там золото:
Посмотрите, как оно молодо!
Но рыбаки не умеют:
Наклонясь, сети сеют...
Ах! мне грустно!
И этот вечный по песку хруст ног!
И наклонясь взять камешек,
Чувствую, что нужно протянуть руку прямо еще.
Бежит на моря сини
Ветер, сладостно сея
Запахи маслины,
Цветок Одиссея.
И море шепчет «не вы»,
И девушка с дальней Невы,
Протягивая руки, шепчет «моречко!»

(«Крымское»)

Вскоре после возвращения из Крыма в Казань Виктор Хлебников получил и ответ на свое прошение ректору, поданное еще 22 апреля 1908 года. В прошении он писал: «Ввиду того, что выход моего отца в отставку и избрание им местом постоянного жительства города, лишенного высших учебных заведений, делают для меня невозможным выбрать для прохождения университетского курса город, в котором я мог бы жить на квартире моих родителей, ввиду того, что проживание в г. С.-Петербурге моих близких родственников, гг. Вербицких (там жили братья матери Хлебникова – Александр и Петр Николаевичи, а также её сестра Софья Николаевна Вербицкая. – *В.А.*), делает этот город наиболее удобным, по некоторым обстоятельствам, для прохождения университетского курса, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство исходотайствовать о моем переводе на тот же семестр и тот же факультет С.-Петербургского университета...»[66]

На этом документе, хранящемся в Центральном государственном архиве Татарии, пометка: «Экзаменов ни в декабре 1907 г., ни в январе и мае 1908 г. не держал». Далее следует справка, кончающаяся словами: «К переходу студента Хлебникова в С.-Петербургский университет со стороны Казанского университета препятствий не встречается»[67].

Перевод состоялся.

Закончился казанский период жизни гимназиста и студента Виктора Хлебникова. Началось время поэта Велимира.

СКАЗАНЬЯ «КРЕМЛЯ БЕЛОГО КАЗАНИ»

После отъезда в сентябре 1908 года в Петербург Виктор Хлебников бывал в Казани только кратковременными редкими наездами или, выражаясь по-велимировски, «закатами» (помните первую строчку из стихотворения о Н.И.Лобачевском: «Перед закатом в Кисловодск»?). Так, путешествуя по Волге в сентябре 1911 года, он пишет родным из Самары: «Казань все та же, а люди хуже: у молодежи преподлые лица людей под сорок»[68].

Но это мимолетное впечатление. Велимир часто стремился в город своей юности. 23 апреля 1912 года в письме к старшей сестре Екатерине Владимировне (1883 – 1923; по образованию – зубной врач) он спрашивает: «Как процветает Казань? Я уверен, что загляну в нее как-нибудь... Наверное в Казани очень хорошо»[69]. Намерение удалось осуществить только в 1918 году, когда Хлебников дважды был в Нижнем Новгороде: в мае-июне и июле-августе (с перерывом). Оба раза он приезжал в Нижний из Казани.

Духовная же связь Велимира с городом, в котором он прожил почти одиннадцать лет, который крепко запал в его память и который он искренне любил, не прерывалась никогда. Казанские мотивы, казанские реалии часто встречались в его творчестве.

Тема Востока, родство его судеб и духовного мира с судьбами России, её душой органичны для Хлебникова. А первоначальный интерес к Востоку возник у него с раннего детства – в калмыцких степях, в Астрахани, развился же он и окреп в многоязыкой Казани. Здесь же зарождался и формировался образ Волги – царицы рек. То же можно сказать об образе Разина – вожака волжской вольницы, символа народного бунта, народной революции, без него вообще нельзя представить себе поэзию Велимира:

Реки великие синим потоком:
Волга, где Разина ночью поют,
Желтый Нил, где молятся солнцу,
Янцекиянг, где жижа густая людей,
И ты, Миссисипи, где янки
Носят штанами звездное небо,
В звездное небо окутали ноги,
И Ганг, где темные люди – деревья ума,
И Дунай, где в белом белые люди,
В белых рубахах стоят над водой,
И Замбези, где люди черней сапога
И бурная Обь... –

провозглашает братство рек и народов в «Буйной книге» Хлебников в 1920 году.

Волга становится для поэта не только символом единства человечества, но и символом единения человека и природы:

Я верю: разум мировой
Земного много шире мозга
И через невод человека и камней
Единою течёт рекой,
Единою проходит Волгой.

«Синие оковы» (1922 г.)

Велимир чувствует глубокое внутреннее единство себя, поэта-мыслителя, с Волгой и двумя самыми любимыми историческими личностями: Разиным и Лобачевским, олицетворявшими для него народную революцию и революцию мысли. Они, эти революции, соединялись в единый поток, который должен принести освобождение всему миру. Себя же Велимир чувствовал провидцем, увидевшим будущее и обязанным поведать об этом людям. Такое переплетение ключевых образов мы видим в одной из программных поэм Хлебникова, написанной в 1920 году (строки в ней читаются слева направо и справа налево, это палиндром) и названной «Разин». Провозгласив: «Я Разин со знаменем Лобачевского», Велимир тут же обращается к Волге, символизирующей единение стихии народного бунта и беспредельного полета человеческой мысли:

Мы, низари, летели Разиным,
Течет и нежен, нежен и течет,
Волгу див несет, тесен вид углов.

Не раз обращается Велимир и непосредственно к Казани, к её прошлому – и к реальному, и к легендарному. Он хорошо знал историю Казанского края, постоянно интересовался легендами и древними поверьями народов, его населявших – татар, чувашей, мордвы. В статье «О расширении пределов русской словесности», опубликованной в марте 1913 года, Хлебников упрекает русскую литературу за «искусственную узость» и перечисляет «области, которых она мало или совсем не касалась». «В пределах России она забыла, – пишет поэт, – про государство на Волге – старый Булгар, Казань, древние пути в Индию, сношение с арабами, Биармское царство»[70]. И в своем творчестве Велимир неоднократно обращается к этим темам.

В поэме «Хаджи-Тархан», оттолкнувшись от сегодняшнего дня –

И Волги бег забыл привычку
Носить разбойников суда,

Священный клич «сарынь на кичку»
Здесь не услышать никогда.

Хлебников яркими мазками воссоздает страницы героического прошлого, размышляет о нем:

Казани страж – игла Сумбеки,
Там лились слез и крови реки.
Там голубь, теменем курчав,
Своих друзей опередил
И падал на землю стремглав,
Полет на облаке чертил.
И, отражен спокойным тазом,
Давал ума досугу разум.
Мечеть и храмы несет низина
И видит скорбь в уделе нашем,
Красив и дик зов муэдзина
Зовет народы к новым кашам.
С булыжником там белена
На площади ясной дружила,
И башнями стройно стена
И город и холм окружила...

Современный исследователь восточных мотивов творчества Велимира П. Тартаковский пишет: «Поэма «Хаджи-Тархан» занимает весьма важное место. Здесь, помимо темы духовного единства разноплеменного мира... пронзительно остро звучит и тема России, призванной, по мнению Хлебникова, сыграть свою особую роль в истории человечества, фатально разделенного на Запад и Восток»[71].

Это действительно так. Причем хлебниковская поэма оптимистична, она воспевает человеческую общность:

Ах, мусульмане, те же русские,
И русским может быть ислам.
Милы глаза, немного узкие,
Как чуть открытый ставень рам.

Хлебников вообще был убежденным интернационалистом, дружба народов для него – естественное состояние человечества:

Где Волга скажет «лю»,
Янцекиянг промолвит «блю»,
И Миссисипи скажет «весь»,
Старик Дунай промолвит «мир»,
И воды Ганга скажут «я»...

(«Ладомир»)

Холмы, равнины, степи!
Вам нужны голубые цепи?
Вам нужны синие оковы?
Оне – в небесной вышине!
Умей читать их клинопись
В высоких небесах,
Пророк, бродяга, свинопас!
Калмык, татарин и русак!

(«Синие оковы»)

«Хаджи-Тархан» – не единственное хлебниковское произведение, основой которого стало прошлое Поволжья. В языческий период Булгарского государства переносит читателя, например, незаконченная поэма «Напрасно юноша кричал» (1912 год), истоками которой были мордовские легенды и мордовская языческая мифология. Этнографический материал поэт заимствовал из статьи П. Мельникова «Очерки мордвы», напечатанной в журнале «Русский вестник в 1867 году. Возможно, что Велимир был знаком и с исследованием казанского ученого И.Н. Смирнова «Мордва» (Казань, 1905).

Велимир воскрешает «преданья старины глубокой», её жестокие обычаи и нравы:

Молчит суровое собранье,
Оплот булгарского владавца,
Выбирает, потупив взоры, наказанье,
Казнь удалого красавца.
И он постиг свою судьбу, –
Висеть в закованном гробу
На священном дубу,
На том, что выше всех лесов.
Там ночуют орлы,
Там ночные пиры
Окровавленных сов.
Булгар, борясь с пороком
И карая зло привычек,
На этом дереве высоком,
Где сонмы живут птичек,
Сундук повесил с обреченным,
В пороке низком уличенным...

Пожалуй, эта незаконченная поэма – единственная в русской поэзии, где действует мордовский бог грома Мельказо (у Хлебникова – Мельканзо), его нареченная – дева Сыржа, где выборный жрец – атепокштей запевает жертвенную песню «позморо» и провозглашает ритуальное

«сакмедэ» (молчите!). Велимир словно доказывал, что легенды любого народа – это сама поэзия, что они достойны настоящей, большой литературы.

История, легенды старины, образы властителей чаяний и дум народных... Это, конечно, так. Но душа Велимира была широко открыта боли и страданиям людским, он сопереживал каждому человеку – своему современнику. И весть о голоде в Поволжье в 1921 – 1922 годах вызвала страшное, страстное стихотворение:

Почему лоси и зайцы по лесу скачут,
Прочь удаляясь?
Люди съели кору осины,
Елей побеги зеленые...
Жены и дети бродят по лесу
И собирают березы листы
Для щей, для окрошки, борща,
Елей верхушки и серебряный мох...
Тают детишки:
Стали огромными рты, до ушей растянулись,
Глаза голубыми очками иль черными,
Зеркалом гладким кругло блестят на лице,
Утончился носа острый как ножик конец:
Свеча восковая около гроба...

«Голод» (сентябрь 1921 г.).

Разве не так же в поту, как всегда,
Сеяли этой весной пахаря руки
Добрые зерна?
Разве не так же с надеждой
На небо все лето смотрели глаза земледельца,
Дождя ожидая?
Голое око жары,
Око огня золотого,
Жгло золотыми лучами
Нивы Поволжья...

«Голод в деревне» (1921 г.)

Хлебников заклинает о немедленной помощи Поволжью, обличает сытого обывателя, его стих публицистичен:

Вы думаете, что голод – докучливая муха
И её можно легко отогнать,
Но знайте – на Волге засуха:
Единственный повод, чтобы не взять, а – дать.
Несите большие караваи

На сборы «Голодной недели».
Ломоть еды отдавая,
Спасайте тех, кто поседели!
Волга всегда была вашей кормилицей,
Теперь она в полугробу.
Что бедствие грозно и может усилиться –
Кричите, кричите, к устам взяв трубу!

«Трубите, кричите, несите...»(1921 г.)

В эти трудные месяцы Велимир – мысленно – был на родной Волге, его голос набатно возвещал миру о случившейся беде.

Он требовал помощи любимым городам своим – Астрахани, Нижнему, Казани.

И этот голос слышало все Поволжье. Голос своего поэта.

ПРИМЕЧАНИЯ

В примечаниях используются следующие сокращения:

ИС – Хлебников Велимир. Избранные стихотворения. Рецензия, биографический очерк и комментарии Н.Степанова. – М., 1936.

НП – Хлебников Велимир. Неизданные произведения. – М., 1940.

СП – Хлебников Велимир. Собрание произведений. – Л., 1928 – 1935. Т. 1 – 5.

Творения – Хлебников Велимир. Творения. – М., 1986.

Хлебникова Вера – Хлебникова Вера. Воспоминание // Хлебников В.В. Стихи. – М., 1923.

[1] Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850 – 1888), собранные Анатолием Богдановым. – М., 1892. – Т.4, ч.1.

[2] **Хлебников Велимир.** Ладомир. Поэмы, стихотворения. – Элиста, 1984. – С. 5.

[3] **Доброхотов В.И.** Астраханский гос. заповедник. – М., 1940. – С.19.

[4] **Хлебникова Вера.** – С. 58.

[5] СП. – Т. 5 – С. 279.

[6] **Хлебникова Вера.** – С. 60 – 61.

[7] Труды Об-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те. – 1909. – Т. 41, вып. 2.

[8] СП. – Т. 5. – С. 265.

[9] **Хлебникова Вера.** – С. 57.

[10] Там же. – С. 61.

[11] **Прибылева-Корба, А.П., Фигнер В.Н. А.Д. Михайлов.** – Л.; М., 1925. – С. 186 – 188.

[12] Волга. – 1987. – №9. – С. 139.

[13] Там же. – С. 140.

[14] Двадцатипятилетие Казанской 3-й гимназии, 1871 – 1896. / Сост. В.А. Белилин. – Казань, 1896. – С. 63 – 64.

[15] **Хлебникова Вера.** – С. 59.

[16] ИС. – С. 9.

[17] **Хлебникова Вера.** – С. 61.

[18] СП. – Т. 5. – С. 288.

[19] ЦГА ТАССР. Ф. 977. Оп. л.д. Д. 34818. Дело студента В.В. Хлебникова.

[20] **Хлебникова Вера.** – С. 59.

[21] Цит. по: **Лившиц С.** Очерки истории социал-демократической организации г. Казани. – Казань, 1922. – С. 117 – 118.

[22] ИС. – С. 10.

[23] СП. – Т. 5. – С. 281.

[24] **Хлебникова Вера**. – С. 60.
[25] СП. – Т. 5. – С. 281 – 282.
[26] **Бабков В.В.** Между наукой и поэзией: «Метабиоз» Велимира Хлебникова // Вопросы истории естествознания и техники. – 1987. – №2. – С. 143 (в дальнейшем: Бабков. – С...).
[27] ИС.– С. 71 (примечание).
[28] Протоколы заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те 1904 – 1906. Тридцать шестой – тридцать седьмой годы. Приложение к протоколам. – 1907. – № 233. – С. 3 – 4.
[29] Волга. – 1987. – № 9. – С. 141.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] Там же. – С. 141 – 142.
[33] Природа и охота. – 1911. – Дек. – С. 3.
[34] Там же. – С. 5.
[35] Там же. – С. 7 – 8.
[36] Там же. – С. 8.
[37] Там же. – С. 22 – 23.
[38] Там же. – С. 13.
[39] ИС. – С. 12.
[40] Протоколы заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те. 1906 – 1907. Тридцать восьмой год. Приложение к протоколам. –1908. – №240. – С. 2.
[41] Бабков. – С. 141.
[42] Цит. по кн.: **Григорьев В.П.** Грамматика идиостиля. В. Хлебников. – М., 1983. – С. 168.
[43] СП. – Т. 2. – С. 10.
[44] Цит. по кн.: **Корбут М.К.** Казанский гос. университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. – Казань, 1930. – Т. 2. – С. 219 – 220.
[45] **Хлебникова Вера.** – С. 60.
[46] НП. – С. 19.
[47] СП. – Т. 5. – С. 289.
[48] НП. – С. 19.
[49] **Хлебникова Вера.** – С. 60.
[50] **Волошин М.** Лики творчества. – Л., 1988. – С. 464, 471.
[51] Там же. – С. 508.
[52] НП. – С. 445 (примечание).
[53] **Мандельштам О.** О поэзии. – Л., 1928. – С. 33.
[54] Маяковский в воспоминаниях современников. – М., 1963. – С. 405.
[55] **Тынянов Ю.Н.** Поэтика. История литературы. Кино. – М.; 1977. – С. 313.
[56] СП. – Т. 5. – С. 279.
[57] Творения. – С. 37.
[58] Там же. – С. 580.
[59] СП. – Т. 5. – С. 179.

[60] ИС. – С. 12.
[61] НП. – С. 354.
[63] СП. – Т. 1. – С. 33.
[64] НП. – С. 355 – 356.
[65] Волга. – 1987. – № 9. – С. 142.
[66] ЦГА ТАССР. Ф. 977. Оп. л. д. Д. 34818.
[67] Там же.
[68] НП. – С. 363.
[69] СП. – Т 5. – С. 293.
[70] Творения. – С. 593.
[71] Вопросы литературы. – 1987. – № 6.

СОДЕРЖАНИЕ

АРИСТОВ ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ

В.В.ХЛЕБНИКОВ В КАЗАНИ
1898 – 1908
(Гимназия, университет, становление Велимира)

Редактор ***С.А.Ярмухаметова***

Техн. редактор ***Г.П.Дудичева***

Верстка ***Ю.Р.Валиахметовой***

Изд. лиц. № 020674 от 19.01.98 г.
Сдано 12.06.2001 г.
Подписано в печать 12.10.2001 г.
Формат 60 х 84 1/16
Бумага офсетная №1
Печать на ризографе
Гарнитура Arial Cyr, 10
Усл. печ. л. 3,72
Уч.-изд. л. 4,28
Тираж 500 экз.
Заказ № 23

Издательство Казанского университета
420008 Казань, ул. Кремлевская, 18

велемір
хлебников
Зангези
Записная книжка
Велимира Хлебникова
ХЛЕБНИКОВ
СУДЬБЫ
В.
Хлебников
Москва 1930 г.
Изд. группы друзей Хлебникова

Вячеслав Васильевич Аристов
родился 16 июня 1937 г. В 1955 г. поступил на отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета Казанского университета.

После окончания университета в 1960 г. начал работать в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского. С 1965 г. — заведующий отделом рукописей и редких книг.

Изучал культурную жизнь Казани конца XVIII — первой четверти XX в., историю Казанского университета, Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского, ее рукописные и книжные фонды. Автор и составитель ряда книг. Сотни его статей были опубликованы в казанских газетах.

В расцвете творческих сил внезапно умер 12 июня 1992 г., не дожив даже до 55 лет.

Несколько работ Аристова увидели свет после его смерти. Одна из них — эта книга.